

Бубер Мартин. Я и Ты

Центральная идея философии Бубера, изложенная в самой главной его работе «Я и Ты», – фундаментальный принцип взаимодействия «Я» с другой личностью, существования как «со-бытия» с другими людьми, а в конечном счете – и с Богом. В своей работе автор сопоставляет отношения «Я – Ты» и «Я – Оно», где первое – живое межличностное общение, любовный диалог, в котором личности растворяются друг в друге, второе – холодное отстраненное отношение, отсылающее к аристотелевской логике. Два типа отношения – два разных образа мира; человек не может постоянно пребывать в состоянии отношения «Я – Ты», говорит Бубер, но «тот, кто не знает этого состояния, – не человек».

- [Часть первая](#)
- [Часть вторая](#)
- [Часть третья](#)
- [Послесловие](#)
- [Цитаты](#)

Часть первая

Мир двойственен по отношению к человеку в силу двойственности положения человека в нем.

Положение человека двойственно в силу двойственности основных слов, которые он способен высказывать.

Основные слова, строго говоря, не являются одиночными словами – они всегда представляют собой пары слов.

Одно из основных слов – словесная пара Я – Ты.

Другим основным словом является словесная пара Я – Оно; причем – без изменения основного слова – на место Оно можно подставить слова Он и Она.

Тем самым Я человека также имеет двойственную природу.

Ибо Я основного слова Я – Ты представляет собой нечто иное, нежели Я основного слова Я – Оно.

Основные слова не обозначают что-либо, а устанавливают связи.

Основные слова не высказывают того, что могло бы находиться вне их, но, будучи сказанными, устанавливают свою данность.

Основные слова высказываются самой сущностью индивида.

Когда произносится Ты, то одновременно произносится и Я словесной пары Я – Ты.

Когда произносится Оно, то одновременно произносится Я словесной пары Я – Оно.

Основное слово Я – Ты может быть произнесено только целостным существом.

Основное слово Я – Оно никогда не может быть произнесено целостным существом.

Не существует Я самого по себе, но существует только Я основного слова Я – Ты и основного слова Я – Оно. Когда человек произносит Я, он подразумевает одно из этих основных слов. Подразумеваемое человеком Я присутствует, когда он произносит Я. Также и когда он произносит Ты или Оно, в его высказывании присутствует Я одного или другого основного слова. Быть Я или произнести Я – одно и то же. Произнести Я – это то же самое, что произнести одно из основных слов.

Тот, кто произносит основное слово, вступает в него и находится в нем.

Жизнь человеческого существа не ограничивается одной только областью переходных глаголов. Жизнь не состоит из одной только деятельности, имеющей Нечто своим объектом. Я что-то воспринимаю. Я что-то испытываю. Я что-то себе представляю. Я чего-то хочу. Я что-то чувствую. Я что-то думаю. Человеческая жизнь состоит не только из всего того и подобного тому.

Все это и подобное этому лежит в основании царства Оно.

Однако царство Ты имеет иное основание.

Тот, кто произносит Ты, не имеет в виду своим объектом Нечто. Ибо там, где есть Нечто, есть и другое Нечто, и каждое Оно граничит с другим Оно, поскольку Оно существует только в том случае, если есть Нечто, с чем оно граничит. Однако произнесение Ты не подразумевает никакого Нечто. Ты не имеет границ.

Тот, кто произносит Ты, не располагает никаким Нечто, он не располагает ничем. Но зато он вступает в отношение.

Говорят, что человек познаёт мир через опыт. Что это значит? Это значит, что человек скользит по поверхности вещей и познаёт их. Из этого ощупывания он получает знание об их свойствах, извлекает опыт. Он познаёт свойства вещей.

Но не одним только опытом познаётся мир.

Ибо чувственные опыты представляют человеку только тот мир, который состоит из Оно, Он, Она, и снова Оно.

Опытом я познаю Нечто.

Ничто не изменится, оттого что к «внешнему» опыту добавляют опыт «внутренний», следуя преходящему разделению, каковое происходит из стремления рода человеческого притупить тайну смерти. Что внутреннее, что внешнее – это всего лишь вещи среди вещей!

Я познаю Нечто в опыте.

И ничего не изменится оттого, что к «явному» опыту добавляют «скрытый», «тайный», следуя самоуверенной мудрости, знающей сокровенную суть вещей, доступную только посвященным, и играющей ключом. О таинственность без тайны, о нагромождение сведений! Всюду Оно, Оно, Оно!

Познающий опытом непричастен миру. Опыт присутствует «в познающем», а не между ним и миром.

Мир непричастен опыту. Он позволяет познавать себя, но не включается в познание и ничем ему не помогает; от познания с ним ничего не происходит.

Мир как познаваемый опыт принадлежит основному слову Я – Оно. Основное слово Я – Ты образует мир отношения.

Есть три сферы, в которых строится мир отношения.

Первая – жизнь с природой. Это отношение неизъяснимо и зыбко колышется во мраке. Оно явственно шевелится перед нами, но не приближается к нам, и произнесенное нами Ты замирает на пороге слышимой речи.

Вторая – жизнь с людьми. Это отношение открыто и доступно речи. Мы можем отдавать и принимать Ты.

Третья – жизнь с духовными сущностями. Это отношение, окутанное облаками, но оно является в откровении, оно немо, но способно порождать речь. Мы не слышим Ты, но чувствуем, что нас зовут, и отвечаем, творя, мысля, действуя; всем нашим существом произносим мы основное слово, не умея сказать его нашим ртом.

Как же осмеливаемся мы включать в мир основного слова физически неизъяснимое?

В каждой сфере, сквозь всякое возникающее перед нами становление, видим мы грань вечного Ты, ощущаем его дуновение, каждым своим Ты обращаемся мы к вечности, посвоему в каждой сфере.

Я наблюдаю дерево.

Я могу воспринимать его как картину: неколебимый столб, выдерживающий напор света, или брызги зелени на фоне безмятежной серебристой синевы.

Я могу ощущать его как движение: соки, текущие по жилам, обвивающим устойчивую прочную сердцевину, дыхание листьев, бесконечную подвижную связь с землей и воздухом – и скрытый от глаз рост.

Я могу отнести дерево к определенному виду и наблюдать его как биологический экземпляр, оценивая его строение и образ жизни.

Я могу настолько сильно пренебречь его неповторимостью и формой, что стану воспринимать его как выражение некоторых законов – законов, согласно которым непрестанно сглаживается противодействие сил, или законов, согласно которым вещества то смешиваются, то вновь разделяются.

Я могу представить его числом, чистым численным соотношением, уничтожив его физически и увековечив в числе.

При всем том дерево останется воспринимаемым мною предметом с отведенным ему местом и сроком жизни, предметом с особым строением и особыми признаками.

По неведомой воле и милости может, однако, случиться так, что я, глядя на дерево, окажусь захваченным личным отношением к нему, и тогда дерево перестанет быть для меня Оно. В таком случае мною овладеет ощущение исключительности дерева.

При этом совершенно необязательно, что мне придется отбросить какой-либо из аспектов моего наблюдения. Не существует ничего, от чего мне пришлось бы отказаться, чтобы видеть; не существует такого знания, которое я должен был бы забыть. Более того, все: образ и движение, вид и экземпляр, закон и число – все это сольется в неразделимом единстве.

Все, что принадлежит дереву: его форма и его механические свойства, его взаимодействие со стихиями и с небесными светилами, – остается при нем в целостном единстве.

Дерево – это не мое впечатление, не игра моего воображения, не плод моего настроения – оно предстает передо мной телесно, оно влияет на меня так же, как я на него, но только по-другому.

Нельзя пытаться лишить жизненной силы смысл отношения: отношение по своей природе взаимно.

Так не может ли дерево обладать сознанием, подобным нашему? Я не могу показать это опытом. Вы снова хотите, уверовав в удачу, разложить неразложимое? Передо мной стоит не душа дерева, не дриада, а именно само дерево.

Если я стою перед человеком и воспринимаю его, как мое Ты, обращаю к нему основное слово Я – Ты, то он, этот человек, не является вещью среди других вещей, и он не состоит из вещей.

Он не является ни Он, ни Она, он не ограничен от других Он и Она; он не является фиксированной точкой пространственно-временной сети; Ты не есть поддающееся опытному исследованию и доступное описанию свойство, это не рыхлый пучок имеющих названия признаков. Он не граничит ни с чем, он есть полностью Ты и заполняет собой весь небесный круг. Дело, однако, не в том, что, кроме него, ничего не существует; нет, но все другое живет в его свете.

Мелодия не состоит из тонов, стихотворение не состоит из слов, скульптура не состоит из линий; для того чтобы превратить единство каждого из этих предметов во множественность, придется растащить их и разорвать на части; так же обстоит дело и с человеком, которому я говорю Ты. Я могу отнять у него оттенок его волос, оттенок его речи, оттенок его доброты; мне придется делать это снова и снова, но от этого он перестанет быть Ты.

Не молитва совершается во времени, а время в молитве, не жертва совершается в пространстве, а пространство в жертве, и тот, кто опрокидывает это отношение, уничтожает действительность; так и человека, которому я говорю Ты, не обнаруживаю я в каком-либо Когда и Где. Я могу переместить его туда, и мне придется делать это снова и снова, но только в образе Он, или Она, или Оно, но это уже не будет мое Ты.

Пока надо мной простирается небо Ты, ветры причинности стихают у моих ступней и истощаются водовороты судьбы.

Я не познаю в опыте человека, которому говорю Ты. Однако я состою с ним в отношении внутри священного основного слова. Только выходя из него, я снова могу познавать его в опыте. Приобретение опыта возможно лишь на удалении от Ты.

Отношение может сохраняться, даже если человек, которому я говорю Ты, не воспринимает его, погруженный в свой опыт. Ибо Ты есть нечто большее, чем осведомленность Оно. Ты делает нечто большее, чем знает Оно. Сюда не проникает обман: здесь колыбель настоящей жизни.

Это вечный источник искусства – когда перед человеком предстает образ, желающий через этого человека стать произведением. Оно не есть порождение души – оно проявление представшего образа, и это проявление требует от человека действительного мастерства. Это зависит от деяния человека: исполнит ли он это деяние, обратит ли от всего своего существа основное слово к простирающему образу, – и если он это сделает, то польется из источника творящая сила, возникнет произведение.

Деяние предполагает жертву и риск. Жертва: безграничная возможность, принесенная на алтарь образа; все, что до этого играючи пересекало перспективу, должно быть отброшено, ибо ничто постороннее не смеет проникать в произведение. Риск: основное слово может быть произнесено только и исключительно целостным существом; тот, кто отдает себя, не смеет ничего удерживать для себя; произведение не потерпит, чтобы я – в отличие от дерева и человека – предался успокоению и безмятежности мира Оно: если я не буду ревностно ему служить, оно разрушится или разрушит меня.

Я не могу ни исследовать опытом, ни описать представший передо мной образ – я могу лишь воплотить его. Но я смотрю на него в блеске сияния более яркого, чем все сияние доступного чувственному опыту мира. Не как на вещь среди «внутренних» вещей, не как на абрис моего воображения, а как на нечто существующее в реальности здесь и сейчас. При попытке исследовать образ на предмет физического существования выяснится, что он «отсутствует», но что может быть более неколебимым, нежели его существование здесь и сейчас? И это реальное отношение, в котором я с ним состою; произведение воздействует на меня, а я – на него.

Творение есть исчерпание, изобретение есть обнаружение. Создание формы есть ее открытие. Воплощая, я раскрываю. Я перевожу образ в мир Оно. Законченное произведение есть вещь среди вещей, есть сумма доступных исследованию и описанию свойств. Но для созерцающего и чувствующего оно раз за разом предстает во плоти и крови.

– Что узнают в опыте о Ты?

– Ровно ничего. Ибо Ты невозможно познать в опыте.

– Что знают о Ты?

- Только всё. Ибо о нем не знают ничего единичного.

Ты сталкивается со мной по своему произволу и милости – его невозможно отыскать по желанию. Но то, что я обращаю к нему основное слово, есть деяние моего существа, мое сущностное деяние.

Ты встречает меня по своей воле. Но именно я вступаю с ним в непосредственное отношение. Это одновременно отношение выбранного и выбирающего, страдающего и действующего. Следовательно, действие всего существа как уничтожение всех частных действий, а таким образом, и всех, основанных на ограниченности восприятий частных действий, можно уподобить страданию.

Основное слово Я – Ты может быть высказано только целостным существом. Собранность и слияние в цельное существо невозможны через меня и невозможны без меня. Я становлюсь Ты; я говорю Ты, становясь Я.

Любая настоящая жизнь есть встреча.

Отношение к Ты непосредственно. Между Я и Ты нет ничего абстрактного, нет никаких предварительных знаний и фантазий; преображается и сама память, проваливаясь из частных во всеобщность. Между Я и Ты нет никакой цели, никакого вожеления и никакой антиципации; самое страстное устремление преображается, вырываясь из мечты в действительность. Всякое средство есть препятствие. Встреча происходит только там, где распадается любое средство.

Перед непосредственностью отношения всякое опосредующее становится ничтожным. Не имеет значения, может ли мое Ты стать Оно других Я («объектом всеобщего опыта») – именно вследствие влияния моего сущностного деяния. Ибо собственно граница, разумеется колеблющаяся и зыбкая, проходит не между опытом и не-опытом, не между данным и не-данным, не между миром реального бытия и миром ценностей, а пересекает все области между Ты и Оно – между настоящим состоянием и застывшей историей становления. Настоящее означает не точку, символизирующую мысленную фиксацию определенного момента истекшего времени, не видимость остановленного его хода – нет, действительное и наполненное настоящее существует лишь постольку, поскольку существуют динамически меняющаяся действительность, встреча и отношение. Только в нынешнем существовании Ты возникает настоящее.

Я основного слова Я – Ты, то есть Я, которому не противостоит Ты, то есть Я, окруженное множеством «содержаний», обладает лишь прошлым, но не настоящим. Другими словами, до тех пор, пока человек удовлетворяется вещами, каковы он познает опытом и каковыми пользуется, он живет в прошлом и его мгновение лишено присутствия; у него нет ничего, кроме предметов; предметы же существуют в прошлом.

Настоящее не есть нечто мимолетное и преходящее, настоящее – это нечто длящееся в ожидании. Предмет не является длительностью – он есть застывание на месте, содержание, прерывание, оцепенение, оторванность, утрата отношения, утрата присутствия.

Сущности обретают жизнь в настоящем, предметность живет в прошлом.

Эту основополагающую двойственность сущего невозможно преодолеть воззванием к «миру идей» как к третьей силе, стоящей над противоположностями. Ибо я говорю не о чем другом, как о реальном человеке, о тебе и обо мне, о нашей жизни и о нашем мире, а не о каком-то Я самом по себе или о бытии самом по себе. У реального же человека настоящая граница пересекает и мир идей.

Разумеется, тот, кто удовлетворяется тем, что познаёт опытом и использует мир вещей, в котором пребывает, воздвигает вокруг себя идейную пристройку или надстройку, где находит убежище и успокоение перед порывами ничтожности своего бытия. На пороге убежища он сбрасывает одежду постылой повседневности, облачается в льняные одежды и укрепляет свой дух созерцанием исконно сущего и должностующего бытия, к каковому его жизнь не имеет никакого отношения. Ему может быть приятно и провозглашать эти истины публично.

Однако воображаемое, постулированное и пропагандируемое Оно-человечество не имеет ничего общего с живым телесным человечеством, которому человек искренне говорит Ты. Самый благородный вымысел есть фетиш, самые возвышенные, но фиктивные взгляды являются порочными. Идеи не восседают на троне над нашими головами и не гнездятся в них; они скитаются среди нас и подступают к нам; достоин жалости тот, кто воздерживается от высказывания основного слова, но поистине подл тот, кто вместо основного слова обращается к идеям понятием или паролем, как будто это и есть их имя!

То, что непосредственное отношение включает влияние на окружающую предметность, становится очевидным на одном из трех примеров: сущностное деяние искусства определяет процесс, в ходе которого образ становится произведением. Окружающая предметность исполняется через встречу, через нее она входит в мир вещей, чтобы бесконечно действовать, бесконечно становясь Оно, но и одновременно, бесконечно становясь Ты, осчастливливая и воспаляя. Предметность «воплощается»; ее плоть вырастает из потока безграничного и не стесненного временем настоящего и ложится на берег сущего.

Не столь очевидно значение воздействия на отношение к Ты-человеку. Сущностный акт, который здесь воздвигает непосредственность, понимается, обычно, чувственно, а значит, не осознается. Чувства сопровождают метафизический и метапсихический факт любви, но не они его составляют и чувства которые его сопровождают, могут иметь абсолютно различную природу. Чувства Иисуса к одержимому суть нечто иное, нежели его чувство к любимому ученику; но любовь одна. Чувства «имеются» – любовь случается. Чувства живут в человеке, но сам человек живет в своей любви. Это не метафора – это реальность; любовь не соединена с Я так, чтобы она рассматривала Ты как «содержание» или объект; она находится между Я и Ты. Тот, кто этого не осознаёт, не осознаёт всем своим существом, тот не понимает, что такое любовь, хотя и может приписывать ей чувства, которые переживает, испытывает, выражает и которыми наслаждается. Любовь есть охватывающее мир влияние. Для того, кто находится в любви, кто смотрит в нее, люди освобождаются от пут обыденности; добрые и злые, умные и глупые, красивые и безобразные – один за другим они

становятся для него Ты, то есть освобожденными, вышедшими из темниц, единственными и неповторимыми, перед ним сущими; исключительность чудесно возникает снова и снова, и так он может воздействовать – влиять, помогать, исцелять, воспитывать, возвышать, освобождать. Любовь есть ответственность Я за Ты; здесь имеет место то, чего не может быть ни в каком чувстве, а именно равенство всех любящих, от самого малого до самого великого и от человека, защищенного блаженством включения в жизнь любимого существа, до того, кто на всю жизнь распят на кресте мира, кто совершил чудовищно невыносимое и рискнул – кто отважился любить людей.

Пусть останется тайной значение влияния в третьем примере, примере твари и ее рассматривания. Верь в простую магию жизни, во вселенское служение, и ты поймешь, что означают ожидания, высматривания и «вытянутая шея» твари. Всякое слово было бы здесь фальшивым, но присмотри: эти существа живут здесь вокруг тебя, они живые, и к какому из них ты ни подойдешь, ты столкнешься с сущностью.

Отношение – это взаимность. Мое Ты влияет на меня так же, как я влияю на него. Мы учимся у своих учеников; наши произведения, наши труды создают нас. «Зло» становится откровением, когда его касается священное основное слово. Как воспитывают нас дети, как воспитывают животные! Необъяснимым образом вовлекаемся мы в поток всеобщей взаимности.

– Ты говоришь о любви так, словно это единственное чувство, существующее между людьми, но имеешь ли ты право брать в пример только любовь, если существует еще и ненависть?

– До тех пор, пока любовь «слепа», до тех пор, пока она не видит целостную сущность, она не является подлинным выражением основного слова отношения. Ненависть по самой своей природе слепа; ненавидеть можно лишь часть какого-либо существа. Тот, кто видит целостное существо и принужден его оттолкнуть, находится уже не в царстве ненависти, а в области, где возможность говорить Ты ограничена человеческой природой. Бывает, что человек не в состоянии сказать своему визави основное слово, которое всегда включает в себя отношение к этому человеку; тогда приходится отвергнуть либо другого, либо самого себя. Это преграда, в столкновении с которой познаётся относительность вступления в отношение, преодолеть которую можно только устранением преграды.

Однако непосредственно ненавидящий ближе к отношению, чем человек, лишенный и любви, и ненависти.

Однако возвышенная печаль нашей судьбы заключается в том, что каждое Ты нашего мира неизбежно становится Оно. Присутствие Ты в непосредственном отношении могло быть исключительным и уникальным, но со временем – оттого что выработало свой ресурс или потому что было лишь средством – Ты становится объектом среди других объектов, пусть даже самым благородным, но лишь одним из многих, объектом, помещенным в отведенные ему меры и границы. С одной стороны, произведение искусства есть воплощение в действительность, а с другой – лишение его действительности. Истинное созерцание скоропреходяще; природная сущность, которая только что открывалась в таинстве

обоюдного взаимодействия, снова становится доступной описанию, расчленению, упорядочению; становится точкой пересечения множества закономерностей. Да и сама любовь не может долго удерживаться в непосредственном отношении; она, конечно, продолжается, но в смене своих явных и скрытых проявлений (актуальности и латентности). Человек, бывший до этого уникальным и неразложимым на свойства, не просто был дан, но присутствовал, был доступен не опыту, но прикосновению, снова становится Он или Она, становится суммой свойств, доступным исчислению количеством. Я снова могу вычленишь из него цвет его волос, цвет его речи, цвет его добра, но, когда я могу это делать, этот человек больше не является моим Ты – Ты он был до этого или станет после.

Каждое Ты в мире, согласно своей сущности, обречено стать вещественным или, по крайней мере, время от времени проникаться вещественностью. На языке предметной реальности можно было бы сказать: каждая вещь в мире может явиться Я как его Ты, либо до, либо после своего становления в вещной ипостаси. Но язык предметной, объективной реальности улавливает лишь видимую вершину реальной, действительной жизни.

Оно – куколка, Ты – бабочка. Но эти состояния не всегда упорядоченно сменяют друг друга – часто это запутанный процесс, глубоко двойственный по природе.

Отношение есть начало всего.

Можно рассмотреть язык «первобытных народов», то есть тех народов, среда обитания которых осталась бедна предметами и жизнь которых выстраивается в тесном круге проникнутых настоящим действий. Первичные клеточные ядра этого языка, слова-предложения, дограмматические праобразования, при разложении которых образуется все многообразие словоформ, выражают главным образом цельность отношения. Мы говорим «очень далеко», зулус же в этом случае говорит слово-предложение, означающее: «Там, где некто кричит: “О мать, я заблудился!”»; житель Огненной Земли перещеголяет нас в нашей аналитической премудрости семисложным словом-предложением, точный смысл которого таков: «Люди смотрят друг на друга и ждут, что кто-то другой вызовется сделать то, чего все хотят, но никто не может сделать». В этой цельности лишь рельефно намечены грамматические лица существительных и местоимений, которые пока еще лишены полной самостоятельности. Речь идет не об этих продуктах разложения и размышления – речь идет об истинном первоначальном единстве, истинно переживаемом отношении.

Мы приветствуем встреченного нами человека пожеланием добра, или уверениями в преданности, или призывом Бога ему в помощь. Но какими лишенными живой непосредственности являются эти заезженные формулы (это до сих пор чувствуется в «Хайль!», в возгласе, в котором изначально присутствовало наделение силой) в сравнении с вечно свежим, живым и пронизанным истинным отношением приветствием кафров: «Я тебя вижу!» – или его смешным и приземленным американским вариантом: «Чуешь меня?/Услышь мой запах!»

Позволительно предположить, что отношения и понятия, а также представления о личностях и предметах возникли из представлений о процессах и состояниях отношения. Стихийные, пробуждающие дух впечатления и возбуждающие воздействия, характерные

для «естественного человека», возникают из процессов отношения, переживания наличного объекта, из совместной жизни с ним. Естественный человек не думает о Луне, которую он видит каждую ночь; он не думает о ней до тех пор, пока она не привидится ему в ночном сне или дневной грезе, не предстанет перед ним телесно, не заморозит его передвижением по небу, не прольет на него свой свет – во зло или в сладостное благо. Из этого он запоминает не зрительное представление о блуждающем небесном диске и не представление о связанной с ним демонической сущности – сохраняется сначала моторный, пронизывающий тело образ-раздражитель лунного воздействия, из которого лишь постепенно начинает возникать и отделяться личностный образ влияющей Луны; собственно, только теперь начинает разгораться память о еженощно воспринимаемом и непознанном, превращаясь в представление о виновнике и носителе этого влияния; чувственное восприятие становится доступным объективации, происходит возникновение Он или Она на месте изначально недоступного для опыта, но лишь выстраданного всем существом Ты.

Из этого первоначального и длительно действующего характера отношения, свойственного всякому сущностному явлению, начинает вырисовываться усердно изучаемый современными учеными и всесторонне обсуждаемый, но пока не до конца понятый духовный элемент первобытной жизни, та таинственная сила, понятие которой в той или иной мере обнаруживается в первобытных верованиях и науке (на этом этапе и верования, и наука, по сути, одно и то же) многих первобытных народов; здесь речь идет о мана или об оренда[1], из которых ведет путь брахмана (в изначальном смысле этого слова), а также путь динамис и харис магических папирусов и путь апостольских посланий. Эту силу описывали как сверхчувственную и сверхъестественную, причем описывали, исходя из наших категорий, не свойственных мышлению первобытного человека. Границы его мира определяются его телесными переживаниями, к которым относятся и посещения умерших, представляющиеся ему совершенно естественными. Принимать за реальность то, что он не воспринимает чувственно, представляется ему противоречащим здравому смыслу. Явления, каковым он приписывает «мистическую силу», представляют собой элементарные процессы отношения, то есть вообще все процессы, заставляющие его думать, так как они возбуждают его телесно и оставляют в его памяти образ раздражения. Луна и мертвец, которые по ночам мучат или улаждают его, обладают такой силой; такой же силой обладает и обжигающее его Солнце, и воющий на него зверь, вождь, один взгляд которого принуждает его к повиновению, шаман, пение которого вселяет в него силы для охоты. Мана есть воздействующее, то, что превращает небесный лик Луны в волнуемую кровь Ты; след воспоминания о ней остается, и от образа-стимула отделяется предметный образ, хотя сам он всегда считается не чем иным, как виновником и носителем силы; человек, обладающий этой силой в виде, например, магического камня, может действовать и сам таким же образом. У первобытного человека магическая «картина мира» не потому, что ее центром является человек, способный к волшебству, но потому, что эта способность есть лишь особая часть всеобщей волшебной силы, порождающей всякое сущностное воздействие. Причинность его картины мира не представляет собой континуум; эта причинность проявляется как следующие друг за другом дискретные вспышки и выбросы действующей на самоё себя силы, как вулканическая деятельность, не подчиняющаяся никакой последовательной логике. Мана – это первобытная абстракция, возможно более примитивная, чем число, но не более сверхъестественная, чем оно. Дисциплинируемая

самообучением, память выстраивает последовательность великих событий отношения, стихийных потрясений: выступает вперед, возвышается, приобретает самостоятельность как самое важное для инстинкта самосохранения и самое необычное для инстинкта познания; незначительное, необщее, изменчивое Ты частных переживаний отступает на задний план, изолируется в памяти, мало-помалу овеществляется и объединяется в группы и виды; как нечто третье, ужасающее своей обособленностью, призрачностью – пожалуй, большей, нежели призрачность Луны и даже мертвеца, но неумолимое в своей реальности предстает как устойчивый, вечно остающийся тождественным самому себе партнер – Я.

Осознанное Я так же мало связано с инстинктом «само»-сохранения, как и с другими инстинктами: не Я хочет размножаться, а тело, не знающее пока никакого Я; не Я, а тело хочет делать вещи, орудия, игрушки, тело хочет быть «созидателем»; и в первобытной познающей функции невозможно отыскать *cognosco ergo sum* [познаю, следовательно существую (лат)] у познающего в опыте субъекта даже в наивной, инфантильной форме. Я стихийно возникает из расщепления первоначальных переживаний, животворящих изначальных слов «Я-воздействующее-на-Ты» и «Ты-воздействующее-на-Я» после субстантивации и опущения причастия «воздействующее».

Фундаментальная разница между двумя основными словами в духовной истории первобытных народов выявляется в том, что она заявляет о себе уже в изначальном событии отношения Я – Ты, то есть до того, как человек осознает свое Я, причем основное слово Я – Оно вообще обусловлено этим осознанием, возможностью обособления Я.

Действительно, первое основное слово разбивается на Я и Ты, но возникло оно не из их соединения – оно предшествовало Я; второе же основное слово возникло из соединения Я и Оно, и это второе основное слово возникло после обособления Я.

В первобытном событии отношения заключено Я – вследствие его исключительности. Так как событие отношения по самой своей природе во всей полноте реальности содержит только двух партнеров – человека и его визави, так как мир в этом событии становится дуалистичной системой, человек ощущает в ней космическую патетику Я, хотя и не осознаёт этого.

Однако Я еще не включено в природную данность, которая переходит в основное слово Я – Оно, в приобретаемый Я опыт. Эта данность являет собой отделенность человеческого тела – носителя ощущений – от окружающего его мира. Тело учится познавать и различать себя в этой особости, но различение остается в пределах чистого сопоставления и поэтому не способно усвоить имплицитный характер глубинного Я.

Но когда Я вышло из отношения и стало существовать в своей обособленности, оно разбавляется и приобретает функциональность, переходит в естественное состояние отделенности тела от окружающего мира и пробуждает ощущение собственного «я». Только теперь может возникнуть осознанное действие Я, первый образ основного слова Я – Оно: обособившееся Я объявляет себя носителем ощущений, а окружающий мир – их объектом. Это происходит «первобытно», а никоим образом не в «теоретико-познавательной» форме; предложение «Я вижу дерево», впервые произнесенное в таком виде, рассказывает не об

отношении между человеком-Я и деревом-Ты, а о сознательном восприятии дерева как предмета; между субъектом и объектом, тем самым воздвигается преграда; впервые произносится слово разделения – основное слово Я – Оно.

– Но, значит, скорбь нашей судьбы возникла уже в самом начале праистории?

– Да, конечно, потому что осознание жизни сопровождает человека с самого начала его истории. Но в осознанной жизни становление человека есть лишь повторение мирового бытия. Дух появляется во времени как результат, даже как побочный продукт природы, но именно он присутствует в ней изначально, вне времени.

Противопоставление основных слов в разные времена и эпохи имело множество наименований, но в своей безымянной истине оно присуще творению.

– Итак, ты веришь, что праисторические времена были раем для человечества?

– Они могли быть и адом – и наверняка так оно и было; насколько я могу проследить ход истории, те времена были наполнены злобой и страхом, мучениями и жестокостью, – но они были живыми и реальными.

Встречи первобытных людей отнюдь не отличались смиренным благорасположением, но лучше насилие над реальным живым существом, чем призрачная забота о безликих числах! От первого пути ведет к Богу, от второго – в ничто!

Жизнь современного первобытного человека, даже если мы смогли бы полностью ее понять, может послужить лишь несовершенным подобием жизни реального древнего первобытного человека; мы можем лишь бегло взглянуть на осуществление во времени связи между обоими основными словами. Более полные сведения мы получаем от ребенка.

Здесь нам с предельной ясностью открывается тот факт, что духовная реальность основных слов возникает из реальности природной: реальность основного слова Я – Ты – из природной связи, реальность основного слова Я – Оно – из природного же разделения.

Жизнь ребенка до рождения представляет собой чисто природную, физическую связь с матерью, телесный обмен с нею; при этом жизненный горизонт развивающегося существа уникальным образом вписан в горизонт вынашивающего существа, но одновременно и не вписан; дело в том, что плод покоится не только в материнском чреве. Связь плода общемировая, общемировая настолько, что предполагает как бы неполное, тревожащее душу прочтение древних писем; в еврейской мифологии утверждается, что в материнском чреве человек знает вселенную, а после рождения ее забывает. Эта связь остается в человеке как втайне желаемый образ. Но тоска эта не означает стремления вернуться, что воображают себе те, кто в духе – который они путают со своим интеллектом – видит паразита природы; нет, это устремление не паразит, а духовный цветок. Эта тоска устремлена к связи выброшенного в мир существа с общемировым, своим подлинным Ты.

Каждое находящееся в процессе становления человеческое дитя покоится в чреве великой Матери, нерасчлененного, не имеющего формы прамира. Отделившись от этого мира, оно

вступает в личную жизнь, и только в ночные часы мы в здоровом сне ускользаем от нее и снова приближаемся к прамиру. Но такое освобождение не происходит внезапно и катастрофично, как при выходе из материнской утробы; человеческому ребенку дается срок для того, чтобы заменить утраченную природную связь с миром связью духовной. Ребенок из раскаленной тьмы хаоса вступает в холодный свет Творения, но оно пока не принадлежит ему; он еще должен его уловить, сделать действительным; он должен увидеть свой мир, услышать, прикоснуться к нему, воссоздать его для себя. Творение раскрывает свой образ при встрече; оно не откроется ожидающему чувству – оно встает навстречу принимающему чувству. То, что состоявшемуся человеку представляется привычным окружением, дается находящемуся в процессе становления человеку напряженным действием, завоеванием; ни одна вещь не является составной частью какого-то опыта, ничто не раскрывается иначе, как во взаимодействии с силой предстоящих человеку объектов. Так же как первобытные люди, ребенок живет в промежутках между периодами сна (при этом и само бодрствование его мало чем отличается от сна), во всполохах и в отблесках встречи.

Изначальность стремления к встрече выказывает себя уже на самой ранней, самой темной ступени. Прежде чем может быть воспринята единичность, неосмысленный взгляд пробивается сквозь туманное пространство к неопределенности; в моменты, когда, очевидно, нет потребности в пище, нежные, несовершенные ручки что-то ищут – по видимости, бесцельно хватают воздух и тянутся к чему-то неопределенному. Мы не поймем сути этих движений, если попытаемся объяснить их животным инстинктом. Ибо даже такой взгляд после долгих попыток остановится на красной арабеске обоев и не оторвется от нее, пока не разгадает душу красного узора; именно таким движением достигает ребенок прикосновения к лохматому игрушечному мишке, постигая осмысленную форму и определенность; при этом ребенок открывает и любовно и навсегда усваивает цельность тела; и то и другое не суть опытное познание предметов, но обнаружение своего положения – разумеется, лишь в «фантазии» – рядом с живо действующим предстоящим. (Эта «фантазия» вовсе не есть «одушевление всего» – это стремление сделать все своим Ты, стремление ко всеобщему отношению; там, где это инстинктивное стремление не живое, действующее предстоящее, а лишь его голое изображение или символ, это живое воздействие добавляется из собственной полноты.) Пока еще раздаются направленные в пустоту слабые нечленораздельные звуки; однако именно им суждено в один прекрасный день перейти в осмысленный разговор – пусть даже собеседником станет кипящий чайник, но это будет разговор. Многие движения, называемые рефлексорными, являются надежными инструментами созидания мира личности. Это ошибка – считать, будто ребенок сначала воспринимает предмет и только после этого вступает с ним в отношение; наоборот, первичным является стремление к отношению, сложенная лодочкой протянутая ладонь, в которую изливается предстоящее; второе – это отношение к предстоящему, прообраз изречения Ты; овеществление происходит позже при расщеплении изначальных переживаний, разделении связанных партнеров, и это есть становление Я. В начале всего стоит отношение – как категория сущности, как готовность, как вмещающая форма, как модель души; это априори отношения, врожденное Ты.

Пережитые отношения суть реализации врожденного Ты в тех Ты, с которыми ребенок сталкивается при встречах; то, что это Ты воспринимается как предстоящее,

воспринимается в исключительности и, наконец, достаивается высказанного основного слова, лежит в основании априорного отношения.

В инстинктивном влечении к контакту (в стремлении сначала тактильно, а затем и зрительно «прикоснуться» к другому существу) очень скоро выступает врожденное Ты; таким образом, этот инстинкт все более отчетливо подразумевает взаимность, «нежность»; однако и проявляющаяся позже тяга к роли творца (тяга к созданию вещей синтетическим или, если ничего не получается, аналитическим способом – ломая или разрывая) возникает путем того же механизма; происходит «персонификация» сделанного, возникает «разговор». Развитие души ребенка неразрывно связано с развитием потребности в Ты, с исполняющимися и неисполняющимися попытками удовлетворения этой потребности, с игрой его экспериментов и с трагической серьезностью его беспомощности. Истинное понимание этих феноменов подавляется при любой попытке свести их к более узким сферам, и достичь его (понимания) можно только рассматривая и обсуждая космическое и метакосмическое их происхождение – возникновение из нерасчлененного бесформенного изначального мира, из которого уже появился на свет телесный индивид, не располагающий до поры своим телом, еще не актуализированный, не вполне ставший сущностью, индивид, которому только предстоит постепенно развиваться через обретение отношений.

Человек становится Я, становясь Ты. Предстоящее появляется и исчезает, события отношений сгущаются и рассеиваются, и в этом чередовании раз за разом проявляется растущее осознание присутствия неизменного партнера, осознание Я. Правда, пока оно еще представляется вплетенным в ткань отношения, отношения к Ты, как постижение того, что стремится к Ты, но не является им, но его контуры проступают все сильнее до тех пор, пока не рвется связь и само Я на короткое мгновение, освободившись, не предстанет перед самим собой как перед неким Ты, чтобы тотчас овладеть собой и в полном осознании своей особенности вступить отныне в отношения.

Только теперь может возникнуть другое основное слово. Ибо хотя Ты отношения неуклонно бледнело, но от этого оно не становилось Оно в отношении Я, не становилось объектом несвязного восприятия и опыта, каковым оно отныне должно было стать, но становилось как будто Оно для себя, сначала незаметно, словно ожидая возрождения в новом событии отношения. И хотя созревающее к жизни тело, как носитель ощущений и исполнитель влечений, выделяло себя из окружающего мира, но делало это для ориентации, а не в абсолютном разделении Я и объекта. Теперь же на первый план выступает освобожденное, преобразенное Я, выступает из вещественной полноты, сжимаясь до точечной функциональности познающего и использующего материальный мир субъекта, обращается к «Оно для себя», завладевает им и составляет с ним другое основное слово. Человек, проникнутый сознанием своего «я» и говорящий Я – Оно, ставит себя перед вещами, но не предстоит им в потоке взаимодействия; склонившись над единичностями с объективирующей лупой для внимательного наблюдения или с объективирующим биноклем для панорамного упорядочивающего сцену осмотра, он изолирует единичности, не ощущая их исключительности, или соединяет их в наблюдении, не чувствуя их общемирового значения: первое он находит в отношении, второе – только исходя из отношения. Только теперь он в опыте познает вещи как сумму свойств: действительно, свойства оставались в его памяти благодаря пережитым отношениям, связанные с запечатленным в ней Ты, но

только теперь вещи для него выстраиваются из их свойств; только из воспоминаний об отношении человек – образно, мечтательно или силой мышления (в зависимости от наклонностей) – дополняет ядро, которое, охватывая все свойства, мощно открывалось в Ты, то есть субстанцию. Только теперь человек полагает вещи в пространственно-временную причинную связь, только теперь каждая вещь получает свое место, ход существования, меру и обусловленность. Хотя Ты есть явление пространственное, но является оно в пространстве исключительного предстоящего, а все остальное есть лишь фон, из которого оно выступает, и пространство не может быть его границей или мерой; Ты является и во времени, но во времени исполняющегося в самом себе процесса, который проживается не как частица непрерывной и строго упорядоченной последовательности, но в виде «длительности», интенсивное измерение которой может быть определено только из нее самой; Ты одновременно является и деятелем, и подвергающимся действию, но не является звеном в цепи причинностей; в своем взаимодействии с Я оно является началом и концом происходящего. Это есть основная истина человеческого мира: только Оно может быть упорядочено. Координировать вещи можно только после того, как они перестают быть нашим Ты и становятся нашим Оно. Ты не знает никакой системы координат.

Коль уж мы добрались до этого места, то необходимо сказать и еще кое-что, без чего эта частица основной истины превращается в никуда не годный обломок: упорядоченный мир не есть мировой порядок. Случаются моменты безмолвной проникновенности, когда мировой порядок видится как нечто реальное и настоящее. На лету хватаем мы тон, неразборчивая нотная запись которого и есть упорядоченный мир. Эти моменты бессмертны, но и одновременно преходящи; ни одно их содержание не сохраняется, но сила их сообщается творению и познанию человека, лучи этой силы проникают в упорядоченный мир и плавят его снова и снова. Так происходит в истории отдельного человека, так происходит и в истории рода.

Мир двойствен для человека в силу двойственности его отношения с миром.

Человек воспринимает окружающее его бытие, просто вещи и существа как вещи, он воспринимает происходящее окружающего мира, просто процессы и действия как процессы, вещи состоят из свойств, процессы – из моментов, вещи находятся в пространственной, а процессы – во временной сети мира, вещи и процессы ограничены другими вещами и процессами, измеряемые ими и сравниваемые с ними, – все это есть упорядоченный расчлененный мир. Этот мир в определенной мере надежен, обладает плотностью и протяженностью, его членение доступно наблюдению, его воспроизводят с закрытыми глазами, а проверяют – с открытыми; он здесь, он может прилегать к твоей коже или прятаться в твоей душе, если это больше тебе нравится; он остается с тобой по твоему произволу и милости, он остается исконно чуждым тебе – будь то вне или внутри тебя. Ты воспринимаешь его как свою правду, воспринимаешь его как «истину», он позволяет тебе себя принимать, но не отдается тебе. Посредством только такого мира ты можешь прийти к «взаимопониманию» с другими людьми, он готов – притом что для каждого другого он выглядит по-разному – быть для всех вас одним общим объектом, но в нем ты не сможешь встретиться с другими. Без него ты не сможешь выстоять в жизни, тебя поддерживает его надежность, но, умри ты в нем, ты будешь погребен в Ничто.

Или человек встречает бытие и становление как свое предстоящее (в смысле стоящее перед ним), как уникальную единственную сущность, встречает всякую вещь только как сущность; все, что существует здесь, раскрывается ему в происходящем, а то, что происходит, развертывается для него как бытие; ничто иное, только это, есть присутствующее в настоящем, и это охватывает весь мир; мера и сравнение исчезли; только от тебя зависит, сколько неизмеримого станет твоей действительностью. Встречи не выстраиваются в упорядоченный мир, но каждая из них является для тебя знаком мирового порядка. Встречи не связаны друг с другом, но каждая из них гарантирует твою связь с миром.

Представляющийся тебе таким мир ненадежен, ибо каждый раз кажется тебе новым, ты не можешь верить ему на слово; он лишен плотности, ибо в нем все пронизывает все; он лишен длительности, ибо приходит незванным, и исчезает, когда его удерживают; ты потеряешь его, если захочешь сделать обозримым. Он приходит, приходит, чтобы дотянуться до тебя; если он не дотягивается до тебя, если он не встречается с тобой, то он исчезает, но он возвращается, возвращается преображенным. Он находится не вне тебя, но прикасается к самым твоим основам; если ты скажешь «душа души моей», то скажешь не слишком много, но берегись впускать его в свою душу, ибо этим ты его уничтожишь. Он твое настоящее: только обладая этим миром, ты обладаешь настоящим; ты можешь сделать его своим объектом, познавать в опыте и использовать, ты должен делать это снова и снова, и теперь у тебя уже нет больше настоящего. Между тобой и им воцарилась взаимность отдачи: ты говоришь ему Ты и отдаешься ему, он говорит Ты тебе и тебе отдается. Ты не сможешь прийти к пониманию с другими относительно такого мира; ты остаешься один с этим миром, но он учит тебя встречаться с другими и учит переживать и переносить эти встречи; и он ведет тебя через милость своих приходов и через печаль уходов, он ведет тебя к тому Ты, в котором пересекаются параллельные по видимости линии отношений. Он не помогает тебе удержаться в жизни – он помогает только ощутить предчувствие вечности.

Мир Оно обладает связностью в пространстве и времени.

Мир Ты не обладает связностью в пространстве и времени.

Отдельное единичное Ты по необходимости должно стать Оно, когда закончится процесс отношения.

Отдельное единичное Оно может, войдя в процесс отношения, стать Ты.

Это суть два преимущества мира Оно. Они побуждают человека смотреть на мир Оно как на мир, в котором приходится жить и в котором можно жить, ибо он предоставляет нам возможность переживать острые ощущения, волноваться, раздражаться, делать и познавать. Моменты Ты проявляются в этой прочно зафиксированной и полезной хронике как чудесные лирико-драматические эпизоды, пусть исполненные соблазнительного волшебства, но опасные своими крайностями, ослабляющие испытанные связи, оставляющие больше вопросов, чем удовлетворительных ответов, расшатывающие безопасность, даже ужасающие, но абсолютно незаменимые. Поскольку человеку по необходимости приходится возвращаться из этих моментов «в мир», то, спрашивается, почему бы все время не оставаться в нем? Почему нельзя призвать к порядку выступающее к нам предстоящее и не вернуть его в объектный мир? Если мы не можем не говорить Ты

отцу, жене, то почему нельзя говорить Ты, имея в виду Оно? Произнести звук Ты органами речи – это еще не значит произнести ужасающее основное слово; даже прошептать душой любовное «ты» безопасно, ибо всерьез имеется в виду одно – познать в опыте и использовать.

Невозможно жить в голом настоящем, ибо оно уничтожило бы любого, если бы не было предусмотрено способа быстро и кардинально его преодолеть. Однако в голом прошлом жить можно, ибо только в нем и можно устроить жизнь. Надо лишь заполнять опытом и использованием каждое мгновение, и тогда прошлое перестанет причинять обжигающую боль.

Со всей серьезностью восприми следующую истину: человек не может жить без Оно, но тот, кто живет исключительно с ним, не является человеком.

Часть вторая

История индивида и история рода человеческого, в чем бы ни было различие между ними, сходятся в одном: они обе говорят о нарастающем усилении мира Оно.

Это представляется сомнительным для истории рода; указывают на то, что сменяющие друг друга культуры при всем различии их оттенков в самом своем начале выстраивают схожие первобытности, в пределах которых они располагают маленьким миром объектов; тем самым жизни индивида соответствует не жизнь рода, а жизнь отдельной культуры. Но, если отвлечься от изолированных, по видимости, культур, которые, находясь под историческим влиянием других культур на определенной, не слишком ранней, но предшествующей эпохе наивысшего подъема стадии, перенимают их мир Оно, будь это благодаря непосредственному заимствованию современного мира Оно, как это было с заимствованиями греков у египтян, или опосредованному заимствованию у прошлого, как это было в случае обращения западной христианской культуры к культуре древнегреческой; эти менее развитые культуры расширяют свой мир Оно благодаря не только собственному опыту, но и растущему влиянию чужого опыта; благодаря этому происходит решающее расширение, связанное с новым открытием заимствованного опыта. (При этом оставим пока без внимания мощное участие в этом процессе мира Ты с его прозрениями и подвигами.) Таким образом, как правило, мир Оно каждой культуры полнее мира Оно культуры предшествующей, и, несмотря на временные остановки и рецессии, мы отчетливо видим в истории прогрессивное увеличение мира Оно. Здесь несущественно, носит ли «картина мира» какой-либо культуры характер конечности или так называемой бесконечности, а лучше сказать не-конечности (отсутствия конечности); на самом деле «конечный» мир может иметь больше составных частей, вещей, процессов, нежели мир «бесконечный». Надо также принять во внимание, что сравнивать надо не только объем знаний о природе, но и уровень общественной дифференцировки и технических достижений; именно этими двумя обстоятельствами определяется расширение мира объектов.

Основное отношение человека к миру Оно охватывает опыт, который непрестанно создает этот мир, и использование, которое ставит перед миром Оно многообразные цели, направленные на сохранение, облегчение и оснащение человеческой жизни. С ростом мира Оно должна также расти способность к его опытному познанию и использованию. У индивида все в большей степени появляется возможность замены непосредственного опыта опосредованным, то есть «приобретенным посредством знания»; все в большей степени появляется у индивида возможность сводить использование к специализированному «применению»; необходимостью становится постоянное усовершенствование способностей от поколения к поколению. Это по большей части имеют в виду, когда говорят о прогрессивном развитии духовной жизни. При этом люди своим греховным словоупотреблением противоречат духу, ибо эта самая «духовная жизнь» является по большей части препятствием для жизни человека в духе, а в лучшем случае – материей, которая, покоренная и оформленная в нем, должна просто исчезнуть.

И это препятствие, ибо улучшение способности к опытному познанию и использованию достигается по большей части через ослабление силы отношения человека, силы, которая одна только и позволяет человеку жить в духе.

Дух в его человеческом откровении является ответом человека на свое Ты. Человек глаголет разными языками – языком речи, искусства, действия, но дух един, и это ответ на возникающее из тайны и из тайны обращающееся к человеку Ты. Дух есть слово. И хотя устная речь облекается в слова в мозгу человека, а потом озвучивается в гортани, и то и другое суть лишь преломления истинного процесса; в действительности не речь присутствует в человеке, но человек пребывает в речи и глаголет из нее – и это касается всякого слова и всякого духа. Дух пребывает не в Я, а между Я и Ты. Дух – это не кровь, струящаяся по жилам внутри человека, его можно уподобить воздуху, которым ты дышишь. Человек живет в духе, если может ответить своему Ты. Он может это сделать, если вступает в отношение со всем своим существом. Только благодаря обладанию силой отношения может человек жить в духе.

Однако здесь на первый план сильнее всего выступает судьба процесса отношения. Чем мощнее ответ, тем сильнее связывает он Ты, тем сильнее превращает его в объект. Только молчание, обращенное к Ты, только молчание всех языков, молчаливое пребывание в неоформленном, неразделенном доречевом слове освобождает Ты, пребывает с ним в сдержанности, где дух не возвещает о себе, но просто существует, просто есть. Всякий ответ связывает Ты с миром Оно. Это горе человека, и в этом его величие, потому что именно так среди живых возникают знание, произведение, картина и образец.

Однако то, что превращается в Оно, застывает в вещь среди вещей, наделяется смыслом и предопределением, которые снова и снова его преображают. Снова и снова – так было задумано в час духа, когда он вложил себя в человека и зачал в нем ответ, – объектное должно вспыхивать настоящим, возвращаться в стихию, из которой вышло, рассматриваться и проживаться людьми как нечто настоящее.

Исполнение этого смысла и этого предназначения расстраивает тот человек, который удобно расположился в мире Оно, как в мире, который следует познавать опытом и использовать, и теперь он удерживает связанное в мире вместо того, чтобы его освободить, наблюдает вместо того, чтобы прозревать, и применяет вместо того, чтобы воспринять.

Что касается познания, сущность раскрывается познающему в созерцании предстоящего. То, что созерцают как присутствующее, по необходимости надо понимать как объект, сравнивать с другими объектами, помещать в ряд с другими объектами, объективно описывать и расчленять; в предмет познания это может войти только в качестве Оно. Однако в созерцании это было не вещью среди вещей, не процессом среди процессов, но исключительно присутствующим. Сущность не проявляет себя в законе, выводимом из явления, но обнаруживается в самом явлении. То всеобщее, что при этом мыслят, представляется как распутывание клубка события, ибо его созерцали в особенном, в присутствующем. Теперь же оно заключено в Оно-форму понятийного познания. Тот, кто выведет его из этого узилища и, созерцая, вновь прозрит в нем присутствующее, исполнит смысл того акта познания, который есть действительное и действующее между людьми. Но

познание можно использовать следующим образом: «Дело, стало быть, обстоит так: эта вещь называется так-то, она обладает такими-то свойствами, она должна находиться там-то и там-то». И при таком подходе то, что становится Оно, им остается, познаётся и используется как Оно, применяется как деятельность по «ориентации» в мире, а затем – и по «покорению» мира.

То же относится и к искусству: в созерцании предстоящего образ раскрывается художнику. Он преобразует его в произведение. Это произведение находится не в мире богов, а в этом большом мире людей. Естественно, оно «здесь», пусть даже на нем не остановится ни один человеческий взгляд, но оно спит. Китайский поэт рассказывает о том, как люди не захотели слушать песню, которую он играл на нефритовой флейте; тогда поэт стал играть ее для богов, и они приклонили к ней свое ухо; после этого к песне прислушались и люди – в конце концов поэт ушел от богов к тем, без кого не могло обойтись его произведение. Произведение высматривает встречу с человеком, словно во сне, ждет, что человек снимет с него чары и на одно безвременное мгновение охватит образ. Вот человек приходит и узнаёт из опыта то, что должно познать из опыта: произведение сделано так-то, или: в нем выражено то-то, или: таковы его качества и таково место, которое оно занимает среди других произведений.

И не то чтобы не нужен был научный или эстетический рассудок но для того, чтобы правильно выполнить свою работу, он должен погрузиться в сверхрассудочную, охватывающую рассудочное истину отношения.

И в-третьих, так как преходящий в своей телесности человек не нуждается в том, чтобы навязывать себя более долговечному, чем он сам, веществу, но превосходит его по долговечности как образ, этот человек, опьяненный музыкой своей живой речи, возвышаясь, поднимается на звездный небосвод духа, и вместе с ним возвышается чистое воздействие, действие без произвола. Здесь являлось человеку из глубочайшей тайны Ты, само обращалось к нему из тьмы, и он отвечал на этот призыв всей своей жизнью. Здесь слово раз за разом становилось жизнью, и жизнь, либо исполняя, либо нарушая закон – временами необходимо и то и другое, чтобы не погиб на Земле дух, – становится учением. Эта жизнь предстает перед потомками, чтобы научить их не тому, что есть, и не тому, что должно быть, но тому, как надо жить в духе перед лицом Ты. И это означает, что она в любой момент готова стать для них Ты и открыть им мир Ты; нет, она не готова, она всегда приходит к ним и прикасается к ним. Но они утратили желание и способность к живому общению, но зато знают все решения и ответы; они заключили личность в историю, а речь – в библиотеки; исполнение и нарушение законов – в равной степени – они кодифицировали; они не скупятся на почитание и даже на поклонение, обильно замешенное на психологии, как это подобает современному человеку. О одинокий лик, подобно звезде, сияющий во тьме, о живой перст на бесчувственном лбу, о замирающий шаг!

Формирование функции приобретения опыта и умения использовать по большей части достигается ослаблением в человеке силы отношения.

Тот человек, который препарировал дух, превращая его в средство наслаждения – станет ли он интересоваться живущими вокруг него существами?

Подчиняясь основному слову разделения, которое создает дистанцию между Я и Оно, он разделил свою жизнь среди людей на две четко очерченные сферы учреждения и чувства – сферу Оно и сферу Я.

Учреждения – это «внешнее», в котором человек преследует самые разнообразные цели, в котором он работает, торгует, влияет, занимается предпринимательством, конкурирует, организует, хозяйствует, администрирует, проповедует; это отчасти упорядоченная и в какой-то степени согласованная структура, дела в которой идут своим чередом благодаря умственным и физическим усилиям людей.

Чувства – это «внутреннее», в котором человек живет и отдыхает от учреждений. Здесь заинтересованный взгляд улавливает спектр эмоций; здесь человек дает волю своим наклонностям и ненависти, стремлению к удовольствиям, а также предается своей боли, если она не слишком сильно его раздражает. Здесь человек дома и спокойно качается в кресле-качалке.

Учреждения – это сложный форум, чувства – личные покои, где всегда есть место развлечениям.

Это разграничение, разумеется, постоянно оказывается под угрозой, ибо своевольные чувства время от времени вторгаются в деятельность учреждений, но при наличии доброй воли границу можно восстановить.

Труднее всего провести границу в области так называемой личной жизни. Например, в браке провести ее удастся не без трудностей, но, в конце концов, это получается. Ее удастся превосходно провести в сферах так называемой общественной жизни; стоит понаблюдать, как безукоризненно в эпоху политических партий и надпартийных групп и их «движений» сменяют друг друга судьбоносные съезды и приземленная – механистически-равномерная или органически-неряшливая – деятельность.

Однако отделенное Оно учреждений есть голем, а отделенное Я чувств есть порхающая птица души. Ни то, ни другое не знают человека; первое – это образец, второе – «объект», они не выражают ни личность, ни общность. Ни один из этих феноменов не знает настоящего; учреждения, даже самые современные, знают только застывшее прошлое, заверщенное; чувства, даже самые устойчивые и длительные, знают только мимолетное мгновение, незавершенное становление бытия. Ни у того, ни у другого нет доступа к реальной жизни. Учреждения не образуют общественную, а чувства – личную жизнь.

Учреждения не образуют общественную жизнь, и люди ощущают это все чаще и с возрастающей печалью и болью; здесь, в этом месте, мы имеем дело с необходимым феноменом эпохи. Очень немногие поняли, что чувства не образуют личную жизнь; казалось бы, именно здесь должно гнездиться все личное; если кто-то, как современный человек, научился заниматься главным образом своими чувствами, то даже отчаяние по поводу их эфемерности ему не поможет, так как оно тоже есть чувство, и чувство интересное.

Люди, страдающие от того, что учреждения не образуют общественной жизни, нашли одно, как будто подходящее, средство – следует с помощью чувств разрыхлить, расплавить или

взорвать учреждения, следует обновить их с помощью чувств, внедрить в их деятельность «свободу чувства». Если, например, автоматизированное государство соединяет, по сути, чуждых друг другу граждан, не устанавливая спаянного сообщества и не способствуя этому, то следует заменить его общиной, основанной на любви; а такая община, как полагают, возникает, когда люди, руководясь свободным, переполняющим их чувством, сходятся вместе, желая жить совместно. Но это не так; истинное сообщество возникает не оттого, что люди испытывают друг к другу какие-то чувства (хотя обойтись без этого тоже нельзя), но благодаря вот каким двум вещам: они должны пребывать в живом обоюдном отношении к живому средоточию и находиться в живом обоюдном отношении друг с другом. Второе возникает из первого, но не дается вместе с ним автоматически. Живое обоюдное отношение включает в себя чувства, но не возникает из них. Община строится на живом обоюдном отношении, но строит ее живое действующее средоточие.

Учреждения так называемой личной жизни также невозможно обновить за счет свободного чувства (хотя без него тоже не обойтись). Брак никогда не удастся обновить по-другому, нежели открытием друг другу своего истинного Ты. Этот брак строит Ты, которое не является Я ни для кого из обоих партнеров. Это метафизический и метапсихический факт любви, который лишь сопровождается любовными чувствами. Те, кто хочет обновить брак по-другому, по существу, не отличаются от тех, кто хочет его упразднить: и те и другие говорят, что они уже не знают факта любви. И в самом деле, если из всей эротики, о которой в наше время так много говорят, вычтешь все, что связано с отношением Я, то есть всякое отношение, в котором один человек не является настоящим для другого, а другой не становится настоящим для него и оба только получают удовольствие друг от друга, то что тогда вообще останется?

Истинная общественная и истинная личная жизнь представляют собой два образа связи. Для их становления и существования необходимы чувства, изменяющие содержание, необходимы учреждения, как неизменная форма, но и, взятые вместе, они не создают человеческую жизнь, ибо для ее создания необходимо и третье: центральное присутствие Ты, или даже, скорее, воспринимаемое в настоящем центральное Ты.

Основное слово Я – Оно не имеет отношения к злу – так же, как и материя не имеет отношения к злу. Однако Оно имеет отношение к злу, как и материя, когда она примеряет на себя роль бытия. Если человек поддается этому, его подавляет неумолимо растущий мир Оно, собственное Я теряет для него свою действительность до тех пор, пока довлеющий над ним кошмар и призрак, обитающий в нем, не шепнут друг другу о невозможности избавления.

– Но не является ли общественная жизнь современного человека по необходимости погруженной в мир Оно? Можно ли две области этой жизни, экономическую и государственную, в их современном объеме и современном толковании, помыслить на каком-то ином основании, нежели на продуманном отказе от всякой «непосредственности», на неколебимом и решительном отклонении всякой возникшей вне этой области «чужой» инстанции? И если здесь господствует Оно, приобретающее опыт и использующее товары и достижения в экономике, мнения и устремления в политике, то разве не этому неограниченному господству обязана своим существованием разветвленная и прочная

структура великих «объективных» образований в этих двух областях? Да, и разве выпуклое и наглядное величие ведущего государственного деятеля и ведущего хозяйственного руководителя не связано с тем, что он видит в людях, с которыми ему приходится иметь дело, не носителей не поддающегося опытному познанию Ты, но рассматривает их как центры производственных достижений и устремлений, в соответствии с которыми и в соответствии с частными способностями людей они могут быть учтены и использованы? Не рухнет ли его мир, если он попытается вместо того, чтобы получить Оно из суммы Он + Он + Он, получить сумму Ты, и Ты, и Ты, если известно, что из этой суммы неизбежно снова получается Ты? Не означало бы это попытку поменять создающее совершенные формы мастерство на любительский дилетантизм, а светоносный разум – на туманную мечтательность? И если мы переведем взгляд с ведущих на ведомых, то разве не убедимся мы в том, что ход развития современного способа производства и современного способа обладания уничтожил почти всякий след жизни с предстоянием, всякий след осмысленного отношения? Было бы абсурдным хотеть повернуть этот процесс вспять, и столь же абсурдным было бы разрушение чудовищного и точно функционирующего аппарата этой цивилизации, которая одна делает возможной жизнь разросшегося до чудовищных масштабов человечества.

– Оратор, ты запоздал со своими речами. Если еще до сих пор ты мог бы им верить, то теперь уже не можешь. Ибо мгновение назад ты, как и я, увидел, что государством уже не управляют; кочегары всё еще бросают в топку уголь, но машинисты лишь делают вид, что управляют несущимися на всех парах машинами. И в тот самый миг, когда ты все это произносишь, ты, как и я, слышишь, что рычаги экономики начинают издавать непривычный звук; мастера покровительственно тебе улыбаются, но в сердцах их смерть. Они говорят тебе, что приспособили аппарат к современным условиям, но ты-то замечаешь, что отныне они могут только сами приспособляться к аппарату – до тех пор, пока он им это позволяет. Их представители разъясняют тебе, что экономика вступает в права наследства государства, но ты-то знаешь, что ей нечего наследовать, кроме принудительного господства буйно разросшегося Оно, под которым Я, становящееся все более бессильным, все еще воображает себя повелителем.

Общественная жизнь человека, так же мало, как и он сам, может обойтись без мира Оно, над которым Ты носится как дух над водами. Воля к пользе и воля к власти действуют естественно и правомерно до тех пор, пока смыкаются с волей к человеческому отношению, пока она является их носителем. Не существует злого влечения, пока оно не отрывается от сущности; влечение, сомкнутое с сущностью и ею определяемое, есть плазма общественной жизни, освобожденное влечение ведет к разложению общественной жизни. Экономика, обиталище воли к получению пользы, и государство, обиталище воли к власти, до тех пор являются частью жизни, пока они являются частью духа. Отрекаясь от духа, они отрекаются от жизни: разумеется, у жизни есть время на завершение своих дел, и довольно долгое время будет казаться, что внутри шевелится какое-то осмысленное образование, хотя на самом деле там давно уже всюду бурлит неистовая сутолока. Внедрение какой-либо непосредственности на деле уже не поможет; расшатывание отрегулированных механизмов экономики или государства не поможет сместить равновесие так, чтобы изменить тот факт, что вся система уже не находится под властью говорящего Ты духа; никакая стимуляция периферии не сможет заменить живое отношение к центру. Образования человеческой

общественной жизни черпают свою жизнь из полноты силы отношения, которая пронизывает их члены, а свою телесную форму – из связи этой силы с духом. Государственный деятель или хозяйственный руководитель, общающийся с духом, не является дилетантом; он очень хорошо знает, что не может выступить навстречу людям, с которыми ему приходится иметь дело, как к носителям Ты без разрушения созданного им; однако он все же осмеливается на это, но лишь до границ, продиктованных ему духом; именно дух диктует ему эти границы; и риск, грозящий взорвать обособленное образование, увенчивается успехом там, где витает присутствие Ты. Дух не предается мечтаниям; он служит истине, которая, будучи сверхразумной, не изгоняет разума, но сохраняет его в своем чреве. В общественной жизни дух делает то же, что делает человек в личной жизни, человек, который знает о своей неспособности воплощать чистое Ты в жизнь, но тем не менее каждый день доказывает его присутствие в мире Оно – согласно праву и мере текущего дня, ежедневно заново проводя границу и заново ее открывая. Также невозможно освободить работу и обладание исходя только из них самих – это возможно только исходя из духа; только из его присутствия могут излиться смысл и радость всякой работы, а во всякое обладание – благоговение и жертвенная сила, излиться не до краев, но в достаточной мере; только так может все созданное работой, все, чем обладают, остаться под властью мира Оно, но все же преобразиться в предстоящее, в представление Ты. Нет никакого Обратного-назад, есть – даже в минуту глубочайшей нужды, и даже именно в такие минуты, – ранее не предвиденное Отсюда-вперед.

Управляет ли государство экономикой или экономика уполномочивает государство на правление, остается неважным до тех пор, пока обе эти сферы не преобразованы. Будет ли в государственных учреждениях больше свободы, а в экономике – больше справедливости, важно, но не для вопросов реальной жизни, которые здесь поставлены; свободными и справедливыми сами по себе они стать не могут. Остается ли говорящий Ты и отвечающий на обращение дух живым и приобщенным к действительности; подчинятся ли те части духа, которые еще вкраплены в общественную жизнь человека, государству и экономике или останутся самостоятельно действующими; будет ли поглощено общественной жизнью то духовное, что пока еще сохраняется в личной жизни человека, – вот что имеет решающее значение. Разумеется, невозможно разделить общественную жизнь на независимые области, к которым также принадлежала бы «духовная жизнь»; это означало бы лишь окончательно подчинить принуждению погруженные в мир Оно области и полностью лишить дух действенности, ибо дух никогда не действует сам по себе, но только в мире: дух действует на мир пронизывающей и преображающей его силой. Дух находится «у себя» по-настоящему только тогда, когда он выходит навстречу открытому ему миру и предается ему; только так он может освободить его и себя в нем. Рассеянная, ослабленная, выродившаяся, обуреваемая противоречиями духовность, которая сегодня представляет дух, сможет это сделать, разумеется, только тогда, когда она снова дорастет до существа духа, то есть до способности говорить Ты.

В мире Оно неограниченно царит причинность. Каждый доступный чувственному восприятию «физический», а также каждый обнаруженный или найденный на основании личного опыта «психический» процесс необходимо считать либо следствием какой-то причины, либо причиной какого-то следствия. К тому же ряду относятся процессы, которым можно приписать характер целеполагания, то есть процессы, являющиеся составными

частями континуума мира Оно: этот континуум допускает телеологию, но только как часть оборотной стороны причинности, стороны, которая не нарушает связной полноты причинности.

Неограниченное господство причинности в мире Оно, имеющее основополагающую важность для научного упорядочения природы, не подавляет человека, который не ограничен миром Оно, и может снова и снова выходить из него в мир отношения. Здесь Я и Ты свободно стоят друг перед другом, оказывая друг на друга влияние, не включенное в причинность и не окрашенное ею; здесь человеку гарантируется свобода – его и его человеческой сущности. Лишь тот, кто понимает отношение и знает о присутствии Ты, способен на принятие решений. Тот, кто решается, свободен, потому что, принимая решение, он встает перед высочайшим Ликом.

Неукротимо вскипающая огненная материя всего моего умения желать, все, первоначально кружащее вокруг меня возможное, сплетенное и как бы неразделимое, манящие взгляды возможностей, мерцающие со всех концов, вселенная как искушение, и я, воплотившийся в настоящее мгновение, простираю обе руки в огонь, глубоко в огонь, где прячется то единственное, что имеет в виду меня, и вот все это схвачено в одном – теперь! Грозная бездна отделилась, не мельтешит больше лишнее ядро Многое в переливающимся равенстве своих притязаний, но лишь двое друг возле друга, другое и одно, иллюзия и миссия. Но лишь теперь во мне возникает воплощение. Ибо не то называют принятием решения, когда одно сделано, а другое отставлено в сторону, как потухшая масса, слой за слоем, словно шлак, покрывающая мою душу. Но только тот, кто направляет всю силу другого в деяние одного, только тот, кто в становление действительности избранного умеет дать войти неугасимой страсти неизбранного, лишь тот, кто «злыми деяниями служит Богу», только тот решается и решает происходящее. Если это понять, то станет также ясно, что именно это надо называть справедливым, направленным на тот путь, по которому идут и на котором решают; и если бы существовал дьявол, то он был бы не тем, кто идет против Бога, а тем, кто не принял решения в вечности.

Человека, у которого есть гарантия свободы, не угнетает причинность. Он знает, что его преходящая, обреченная на смерть жизнь, по самому своему существу, есть вибрация между Ты и Оно, и он выслеживает ее смысл. Для него достаточно того, что, не имея возможности задерживаться в святилище, он может снова, и снова, и снова переступить через его порог; но да, то, что он должен раз за разом покидать святилище, внутренне связано для него со смыслом и с назначением этой жизни. Там, на пороге, в нем каждый раз заново вспыхивает дух, вспыхивает как ответ; здесь, в нечистом и бедном крае, эта искра должна быть оправданна. То, что здесь зовется необходимостью, не может его напугать, ибо там он познал нечто истинное, познал судьбу.

Судьба и свобода неразрывно связаны друг с другом нерушимой клятвой. С судьбой встречается только тот, кто воплотил свободу в действие. В том, что я смог открыть приличествующее мне деяние, в движении моей свободы открывает мне свобода свою тайну; однако если я и не смогу сделать это так, как мне приличествовало, то даже и в этом сопротивлении открывается мне тайна. Кто забывает всякую причинность и решается на действие из глубины, кто избавляется от своего добра и одежды и голым предстает перед

Ликом, на того, свободного, как зеркальное отражение свободы, смотрит его судьба. Это не его граница – это его дополнение; свобода и судьба охватывают друг друга, сливаясь в смысле; и из этого смысла судьба, чьи глаза только что были строги и чей взгляд теперь исполнен света, смотрит внутрь как сама милость.

Нет, человека, несущего искру и возвращающегося в мир Оно, не подавляет причинная необходимость. И от мужей духа во времена здоровой жизни исходит уверенность ко всему народу; даже самым забытым естественно, инстинктивно, смутно дается встреча, дается познание настоящего, и все каким-либо образом ощущают Ты; отныне дух означает для них надежную крепость.

Но в нездоровые времена случается, что мир Оно, не проникнутый и не оплодотворенный живыми потоками мира Ты, обособленный и застойный, как призрак исполинского болота, пересиливает человека. Смирившись с миром предметов, которые больше не становятся для него настоящим, человек полностью ему поддается. Обычная причинность в этом случае вырастает в подавляющий и удушающий злой рок.

Каждая великая, охватывающая народы культура покоится на каком-либо изначальном событии встречи, на прозвучавшем некогда в их исходном пункте ответе, обращенном к Ты, на сущностном акте духа. Этот акт, усиленный действующей в том же направлении силой последующих поколений, творит собственное понимание космоса в духе – только через него становится снова и снова возможным космос человека; только после этого может человек снова и снова, утешившись душой в этом понимании пространства, строить в нем дома для Бога и людей, наполнять зыбкое время новыми гимнами и песнями и формировать образ человеческой общности. Но только до тех пор, пока он, действуя и страдая, владеет в своей жизни этим сущностным актом, пока он сам входит в отношение, только до тех пор он свободен, а значит, сохраняет способность быть творцом. Если культура перестает концентрироваться вокруг живого, непрерывно обновляющегося процесса отношения, то она застывает, образует мир Оно, который только временами, словно вулканическими извержениями, прорывается пламенными деяниями одиноких духов. С этого момента обычная причинность, которая никогда прежде не препятствовала духовному постижению космоса, вырастает в подавляющий и удушливый злой рок. Мудрая властвующая судьба, которая соответственно смысловой полноте космоса господствовала над всякой причинностью, превращается в противного всякому смыслу демона и рушится в причинность. Та самая карма, которая представлялась предкам как благотворное устройство судьбы, – ибо то, что удастся нам в этой жизни, в будущем поднимает нас в более высокие сферы – ныне распознается как тирания: ибо деяния прежней, не осознаваемой нами жизни заточили нас в темницу, из которой мы не сможем выйти в этой жизни. Там, где прежде высился, как свод, смысл в образе небесного закона, на светлой арке которого висит веретено необходимости, теперь господствует бессмысленная и поработочающая сила планет; прежде считалось, что можно вверить себя богине правды Дике, небесному «пути», под которым имеется в виду и наш путь, чтобы с легким сердцем обитать во всеобщей мере судьбы; теперь же, что бы мы ни делали, нас угнетает, нагибая наши шеи под бременем мертвой массы мира, чуждая свободе духа Геймармене. Неистовая потребность в освобождении проявляется во множестве попыток, до крайности неудовлетворительных, которые предпринимаются до тех пор, пока кому-то не удастся вырваться из круговорота

рождений, или до тех пор, пока кому-то не удастся вернуть свободу божьим детям, подпавшим под власть силы душам. Такая работа происходит из нового, становящегося судьбой события встречи, нового, определяющего судьбу ответа человека на обращение своего Ты. В воплощении этого центрального сущностного акта некая культура, получив его луч, может отделиться от других культур, но иная может обновиться и в самой себе.

Болезнь нашей эпохи не похожа ни на одну болезнь других эпох, но она связана со всеми ими. История культур – это не ристалище эонов, где бегуны, бодро и ни о чем не подозревая, отмеряют, один за другим, один и тот же круг смерти. Через их восходы и закаты ведет безымянный путь. Это не путь прогресса и развития; нисхождение по спиральям подземного царства духа, которое следовало бы назвать также восхождением к самым сокровенным, тончайшим, сложно переплетенным вихрям, где нет никакого «дальше» и уже на самом деле нет и никакого «назад», есть только неслыханное возвращение – прорыв. Придется ли нам пройти этот путь до конца, до испытания последней тьмой? Однако там, где грозит опасность, растут и шансы на спасение.

Биологическое мышление и историософское мышление нашего времени, какими бы несхожими они ни казались, действовали совместно, чтобы утвердить веру в рок, злую судьбу, веру, более жесткую и подавляющую, чем когда-либо в прошлом. Это уже не власть кармы и не власть звезд: не они теперь управляют неотвратимым жребием человека; разнообразные силы претендуют на господство, но при верном наблюдении выясняется, что большинство наших современников верят в их смесь, как в позднем Риме люди верили в целый пантеон. Это тем легче понять, если рассмотреть характер этих претензий на господство. Будь это «закон жизни», трактующий всеобщую борьбу, в ходе которой каждый должен либо сражаться, либо отказаться от жизни; или будь это «закон души», закон непрерывного построения психической личности на фундаменте врожденного инстинкта потребления; или будь то «общественный закон» неостановимого социального процесса, для которого воля и сознание суть лишь сопровождающие его явления; или будь это «культурный закон» неизменного становления и исчезновения исторических образований; какими бы еще ни были формы, это всегда означает, что человек впряжен в процесс, от которого он, человек, не может освободиться и защититься от которого он не может (или может только в своих мечтаниях). От гнета звезд освобождало посвящение в мистерии, от гнета кармы освобождала сопровождаемая познанием брахманская жертва – в обоих случаях мы имеем дело с прототипом избавления; сложный же идол не терпит веры в освобождение. Воображение какой-либо свободы считают глупостью; человеку лишь предоставляется выбор между добровольно-разумным и безнадежно-мятежным рабством. Как бы много ни говорилось во всех этих законах о телеологическом развитии и об органическом становлении, в их основе лежит одержимость заранее заданным ходом событий, то есть неограниченной причинностью. Догма о постепенном разворачивании заданного процесса есть отречение человека перед лицом могущества мира Оно. Именем судьбы злоупотребляют: судьба не колокол, покрывающий человеческий мир; встретить ее можно только исходя из свободы. Догма о заданности течения происходящего не оставляет места свободе, не оставляет места ее реальнейшему откровению, хладнокровная сила догмы изменяет лик Земли, то есть не оставляет места возвращению. Догма не знает человека, который своим возвращением побеждает во всеобщей борьбе; который возвращением разрывает паутину инстинктов потребления; который возвращением

избавляется от классового проклятия; который своим возвращением потрясает, обновляет и преобразует надежные исторические структуры. Догма о заданности течения процесса оставляет тебе на этой доске только один выбор – соблюдать правила или выйти из игры, но тот, кто возвращается, опрокидывает фигуры. Догма всегда позволит тебе соглашаться с обусловленностью жизни, но в душе «оставаться свободным»; но вернувшийся презирает такую свободу, считая ее позорнейшим рабством.

Единственным, что может стать для человека роком, является вера в рок; эта вера подавляет движение возвращения.

Изначально вера в рок является верой ложной. Всякое представление о заданности течения происходящего является лишь упорядочением Ничто как якобы становления бытия, упорядочением изолированных мировых событий, упорядочением предметности истории; оно не есть настоящее Ты; никакое становление из связности этому представлению недоступно. Оно не знает действительности духа, и для него схема этого представления не имеет силы. Пророчество, основанное на предметности, имеет силу только для того, кто не знает настоящего. Тот, кто подчинен силе мира Оно, должен видеть в догме неотвратимости течения событий истину, расчищающую просеку в буйно разросшемся лесу; на самом же деле это еще глубже погружает его в подчинение миру Оно. Но мир Ты не является замкнутым. Тот, кто всем своим единым существом, с восставшей силой отношения, выйдет навстречу миру Ты, станет внутренне свободным. Стать свободным от веры в несвободу уже означает стать свободным.

Подобно тому как получить власть над злым духом можно назвав духа его настоящим именем, так должен и мир Оно, который только что зловеще простирался всей своей чудовищной мощью перед малой человеческой силой, покориться тому, кто познает его в его сущности – как обособление и отчуждение именно того, из приливающей ближе полноты которого выступает навстречу каждому всякое земное Ты; того, что представляется великой и страшной богиней-матерью, существом тем не менее по-матерински добрым.

– Но как может набраться сил и окликнуть злого духа по имени тот, у кого внутри угнездился призрак – лишенное действительности Я? Как может похороненная сила отношения возродиться в существе, где могущественный призрак ежечасно попирает ногами обломки этой силы? Как собраться воедино существу, которое непрерывно гонит по пустому кругу ненасытное в своей алчности отчужденное Я? Как может обрести свободу человек, живущий по произволу?

– Как соединены неразрывно свобода и судьба, так связаны между собой произвол и рок. Однако свобода и судьба возвышают друг друга и охватывают друг друга, порождая смысл; произвол и рок, захвативший душу призрак и душачий мир кошмар, терпят друг друга, обитают рядом друг с другом, избегая друг друга, без связи и трений, обитая в бессмысленности – до тех пор, пока случайно не встретятся взглядами и не вырвется из их уст признание в отсутствии избавления. Сколько красноречивой и искусной духовности используют сегодня, чтобы уберечься от такого события или хотя бы его скрыть!

Воля свободного человека обходится без произвола. Этот человек верит в действительность; это значит, что он верит в реальную двойственность Я и Ты. Он верит в предназначение и в то, что оно нуждается в нем; оно не водит такого человека на поводке – оно ожидает его, он должен прийти к предназначению, не зная, однако, где оно находится; он должен выйти навстречу предназначению всем своим существом, и он знает это. Все произойдет не так, как подразумевалось его решением, но то, что произойдет, произойдет только тогда, когда он решится на то, что способен хотеть. Свою несвободную, подвластную вещам и влечениям малую волю он должен пожертвовать своей великой воле, которая уходит от predeterminedности к predeterminedению. Тогда он больше не вмешивается, но и не отпускает то, что происходит, на самотек. Он прислушивается к тому, что возникает из него самого, на пути сущего в мире; не для того, чтобы оно его несло, но для того, чтобы самому воплотить его в действительность так, как оно хочет, чтобы он – в ком оно нуждается – его воплотил, человеческим духом и человеческим деянием, жизнью и смертью человека. Я говорю – он верит, но тем самым сказано: он встречается.

Своевольный человек не верит и не встречается. Он не знает связности – знает он только охваченный лихорадочной суетой внешний, окружающий его мир и свою лихорадочную похоть к его использованию; надо только дать использованию античное имя, и оно будет скитаться между богами. Когда он говорит «Ты», он имеет в виду следующее: «Ты – моя возможность для использования», а то, что он называет своим предназначением, есть лишь оснащение для использования и санкция на него. На самом деле у него нет predeterminedения, но есть лишь predeterminedенность вещами и влечениями, которую он исполняет самовластно, то есть по произволу. У него нет сильной воли – у него есть только произвол, который он выдает за волю. Он абсолютно не способен на жертву, хотя и говорит постоянно о ней; ты узнаешь его по тому, что он никогда не бывает конкретным. Он постоянно во все вмешивается, а именно с той целью, чтобы «дать этому произойти». Как можно, говорит он тебе, не помочь предназначению, не использовать все доступные средств, нужные для достижения цели? Так же видит он и свободного человека, и не может видеть его по-другому. Но свободный никогда не имеет цель здесь и где угодно подыскивает для нее средства; у него на уме только одно: снова и снова приносить свои решения на алтарь predeterminedения. Он принял такое решение, и он будет иногда обновлять его на всех развилках пути; но он скорее поверит в то, что не живет, нежели в то, что решения великой воли недостаточно и его надо подкрепить средствами. Он верит; он встречается. Но лишенный веры мозг своевольного человека не воспринимает ничего иного, кроме неверия и произвола, определения целей и измышления средств. Без жертвы и без милости, без встречи и без настоящего, его мир обусловлен целями и средствами; другим этот мир быть не может; это и называется роком. Так при всем своем самовластии он безвыходно запутан в недействительное; и он осознает это каждый раз, когда приходит в себя и осмысливает ситуацию – поэтому лучшую часть своей духовности он направляет на то, чтобы защититься от этого осмысления или хотя бы скрыть его.

Но, если дать осмыслению, осознанию отпадения, разрыва с действительным и с действительным Я, погрузиться до корней, в глубину, которую человек зовет отчаянием, из которого вырастают самоуничтожение и возрождение, это будет, возможно, началом возвращения.

Брахман ста путей рассказывает, что некогда был спор богов с демонами. Демоны сказали: «Кому можем мы принести нашу жертву?» Все приношения они положили себе в рот. Боги, однако, положили все приношения в рот друг друга. И тогда Праджапати, изначальный дух, предался богам.

– То, что мир Оно, предоставленный сам себе, то есть не затронутый и не расплавленный появлением Ты, искажается, превращаясь в злого духа-душителя, надо просто понять; но как это происходит, когда Я человека, как ты говоришь, теряет свою действительность? Пребывает ли оно внутри отношения или вне его, Я с гарантией остается в своем самосознании, этой прочной золотой нити, на которую нанизываются меняющиеся состояния. Скажу ли я сейчас «Я вижу тебя» или «Я вижу дерево», мое видение в обоих случаях не будет одинаково действительным, но равно действительным в обоих случаях остается Я.

– Проверим, проверим же, на самом ли деле это так. Словесная, речевая форма ничего не доказывает; много раз сказанное Ты в основе своей является Оно, которому по привычке или по тупости говорят Ты, а много раз сказанное Оно в основе своей является Ты, присутствие которого, словно с дальней дистанции, вспоминают всем своим существом; таким образом, неисчисляемое Я является лишь необходимым местоимением, необходимым сокращением высказывания «находящийся здесь, говорящий». Но что можно сказать о самосознании? Если в одном предложении на самом деле имеют в виду Ты отношения, а в другом предложении – Оно опыта и если в обоих случаях на самом деле имеется в виду Я, то одинаковы ли в каждом случае Я, высказываемые из его самосознания?

Я основного слова Я – Ты – это не то же самое, что Я основного слова Я – Оно.

Я основного слова Я – Оно проявляется как собственная сущность и осознается как субъект (приобретения опыта и использования).

Я основного слова Я – Ты проявляется как личность и осознает себя как субъективность (без определяющего родительного падежа).

Собственная (обособленная для себя) сущность проявляется в отделении от других собственных сущностей.

Личность проявляется тем, что вступает в отношение с другими личностями.

Первое является духовным образом природного обособления, второе – духовным образом природной связности.

Целями обособления являются приобретение опыта и его использование; их же целью является «жизнь», то есть длящееся в течение человеческой жизни умирание.

Целью отношения является его сущность, то есть прикосновение Ты. Ибо через прикосновение каждого Ты нас касается дыхание вечной жизни.

Тот, кто состоит в отношении, причастен к действительности, то есть к бытию, которое присутствует не только в нем и не только вне его. Всякая действительность есть действие, в котором я участвую, но которое не могу присвоить. Там, где нет участия, нет и действительности. Участие тем полнее, чем более непосредственным является прикосновение Ты.

Я становится более действенным благодаря своему участию в действительности. Оно становится тем более действенным, чем полнее это участие.

Но Я, выходящее из события отношения в обособленность и его самосознание, не теряет своей действительности. Участие остается пребывать в нем и сохраняет свою живость; другими словами – хотя они были сказаны о высочайшем отношении, их можно приложить и ко всем отношениям, – «в нем остается семя». Это область субъективности, в которой Я осознает как свою связность, так и свою обособленность. Истинную субъективность можно понять только как динамический феномен, как вибрирующие перемещения Я в его одинокой истине. Это то место, где настойчиво формируется стремление к более высокому, более безусловному отношению, к полному участию в бытии. В субъективности созревает духовная субстанция личности.

Личность сознает себя участницей бытия, участницей совместного бытия и, таким образом, сознает себя сущей. Собственная, «сама для себя» сущность сознает себя как «существующее так, а не иначе». Личность говорит: «Я есть», собственная сущность говорит: «Я такова». «Познай самого себя» означает для личности: познай себя как сущее; для собственной сущности эта фраза означает: познай свое бытие как таковое. Собственная для себя сущность, отделяя себя от других, отдаляется от бытия.

Под этим не подразумевается, что личность «отказывается» от своей особости, от своей инаковости; центр внимания не только в ней, но и в ней, как необходимое и осмысленное постижение бытия. Наоборот, собственная для себя сущность просто упивается своей особостью; скорее даже фикцией своей особости, которую она сама себе придумала. Ибо познать себя означает преимущественно создать обладающее значимой силой и способное ввести в заблуждение проявление самости и в лицезрении и почитании приобрести ложную видимость познания своего наличного бытия; действительное познание этого наличного бытия привело бы к самоуничтожению – или же к возрождению.

Личность рассматривает свою самость; собственная в себе сущность занимается своим Мое: мой род, моя раса, мое творчество, мой гений.

Собственная в себе сущность не принимает участия в действительности и не приобретает ее. Она отделяется от другого и стремится как можно больше взять у него через приобретение опыта и использование. Это ее динамика: самоотречение и овладение Оно, причем и то и другое происходит в недействительном. Субъект, познавая себя как собственную в себе сущность, многое себе присваивает, но из этого не вырастает субстанция, субъект остается точечным, функциональным, приобретающим опыт, использующим, и ничем более. Все его расширяющееся и многообразное наличное бытие, вся его добросовестная «индивидуальность» не поможет ему стать субстанцией.

Не существует двух типов человека, но существует два полюса человечности.

Ни один человек не является личностью в чистом виде, ни один человек не является в чистом виде особой для себя сущностью, ни один человек не является ни полностью действительным, ни полностью недействительным. Каждый живет в двойственном Я. Но существуют люди, которые настолько сильно определены своей личностью, что их можно назвать личностью, и существуют люди, которые так сильно определены особой для себя сущностью, что их можно назвать особой для себя сущностью. Подлинная история разворачивается между первыми и вторыми.

Чем сильнее над человеком, чем сильнее над человечеством господствует особая для себя сущность, тем глубже погружается Я в недействительность. В такие времена личность в человеке и человечестве ведет подпольное, скрытое, как бы фиктивное существование – до тех пор, пока не будет призвана.

Человек в тем большей степени является личностью, чем сильнее в человеческой двойственности его Я проявляется Я основного слова Я – Ты.

Соответственно произнесению Я – согласно тому, что человек имеет в виду, произнося Я, – решается, к какому полюсу человечности принадлежит тот или иной человек и куда он идет. Слово «Я» – это истинный шибболет[2] человечества.

Надо только прислушаться!

Как фальшиво звучит Я в обособленном человеке! Оно может подвигнуть к сильному состраданию, когда исходит из трагических, запечатанных умолчанием противоречия с самим собой уст. Оно порождает ужас, когда вырывается из обуянных хаосом, дико, беспечно и бездумно произносящих его уст. Когда оно произносится устами тщеславными и лощеными, оно вызывает неловкость и отвращение.

Когда обособленное Я произносят с большой буквы, оно открывает позор мирового духа, униженного до положения духовности.

Но как прекрасно и правомерно звучит столь живое, столь убедительное Я Сократа! Это Я нескончаемого разговора, и атмосфера его омывает это Я на всех его путях: и перед судьями, и в заточении, и в последний час. Это Я жило в отношении к человеку, и отношение это воплощалось в диалоге. Оно верило в действительность людей и выходило к ним. Это Я пребывало с ними в действительности и не покидает их. Его одиночество никогда не могло быть покинутостью, и, когда мир людей умолкает для него, слышит он, как пандемониум произносит Ты.

Как прекрасно и правомерно звучит полное величия Я у Гёте! Это Я чистого общения с природой; она предается ему и бесконечно говорит с ним, она в откровении раскрывает ему свои секреты, но не выдает своей Тайны. Он верует в нее и говорит розе: «Так это ты», – и его Я стоит с ней в Одной Действительности. Поэтому, когда Я возвращается к себе, дух действительного остается с ним, вид солнца запечатлевается в счастливых глазах, и сонм дружественных стихий провожает человека в безмолвие смерти и становления.

Так звучит сквозь века «самодостаточное, истинное и чистое» изъяснение Я связанных единением личностей – сократовской и гетевской.

И, не откладывая, вынесем сюда образ безусловного отношения: как мощно, вплоть до возобладания, Я, изреченное Иисусом, и как оно правомерно – до само собой разумеющегося! Ибо это Я безусловного отношения, в котором человек называет свое Ты Отцом, так что сам он только сын и никто другой, как сын. Когда бы он ни сказал Я, он может иметь в виду только Я священного основного слова, которое для него возвышается до безусловного. Если его коснется обособленность, то связь окажется сильнее; только из этой связи говорит он с другими. Напрасно хотите вы ограничить это Я могуществом в себе или ограничить это Ты пребывающим в нас и снова лишит действительности действительное настоящего отношения: Я и Ты остаются; каждый может сказать «Ты», и тогда есть Я; каждый может сказать «Отец», и тогда есть сын; всякий раз действительность остается.

– Но как быть, если миссия, возложенная на человека, требует, чтобы он знал связанность только со своим делом и не знал действительного отношения к Ты, не знал настоящего присутствия Ты; чтобы все вокруг него стало Оно, Оно, обязанное служить его делу? Как обстоят дела с изъяснением Я Наполеона? Правомерно ли оно? Является ли личностью этот феномен опыта и использования?

– Очевидно, этот великий полководец своей эпохи не знал измерения Ты. Как было верно замечено, для него всякое человеческое существо имело свою цену. Он, который в мягком значении уподоблял апостолу Петру своих сторонников, отрекшихся от него после свержения, сам не имел никого, от кого мог бы отречься, ибо не было никого, кого он признавал бы человеческим существом. Он был демоническим Ты для миллионов, не отвечающим Ты, Ты, которое на обращение Ты отвечало Оно, отвечало фиктивно в личном, только в своей сфере, в своем деле, отвечало только своим делом. Это стихийно-историческое ограничение, где основное слово теряет свою реальность, свой характер взаимодействия, – демоническое Ты, по отношению к которому никто не может стать Ты. Этот третий существует помимо личности и собственного существа в себе, помимо свободного и произвольного человека, не между ними; этот третий существует, судьбоносно возвышаясь в судьбоносные времена: он раскаляет все, а сам охвачен холодным огнем; на него направлены тысячи отношений, но от него не исходит ни одно; он не участвует в действительности, но в нем, как в действительности, принимают участие огромные массы.

На окружающие его существа он смотрит как на машины, способные производить различные операции; эти способности он учитывает и применяет. Однако так он относится и к себе (но свою производительную силу ему приходится раз за разом заново испытывать в эксперименте, но тем не менее он не может на опыте познать ее границы). Он и с собой обходится как с Оно.

Поэтому его изъяснение Я лишено живой убедительности и полноты, но оно (в отличие от Я современного человека для себя) не притворяется, что оно этим обладает. Он говорит не о себе, он говорит только «от себя». Я, которое он произносит и пишет, есть необходимый утверждающий субъект его постановлений и распоряжений – не больше и не меньше; у него

нет субъективности, но нет у него и связанного с наличным бытием самосознания, как нет у него и заблуждений относительно себя как явления. «Я – часы, которые существуют, но не знают себя», – так он сам выразил свою судьбоносность, действительность этого феномена и недействительность этого Я; он сказал это, когда был оттеснен от своего дела, когда он мог и должен был говорить и думать о себе, только теперь он мог и должен был вспомнить о своем Я, которое проявилось только теперь. Проявленное Я есть не просто субъект, но и к субъективности оно не принадлежит; расколдованное, но не освобожденное, выражает оно себя в страшном, таком правомерном и одновременно неправомерном слове: «Вселенная смотрит на Нас!» В конце концов оно снова погружается в глубину, исчезая в тайне.

Кто после такого шага, такой гибели отважится утверждать, что этот человек понимал свое исполинское и страшное послание или что он понимал его неверно? Определенно, что эпоха, повелителем и образцом которой стало демоническое и лишенное настоящего, его самого поняла неверно. Эта эпоха не знает, что здесь правят судьба и исполнение, а не вождение и наслаждение власти. Эпоха восхищается его величественным челом и не догадывается, какие знаки начертаны на нем, словно числа на циферблате часов. Она тщится подражать его взгляду на человеческие существа, не понимая его потребностей и его необходимости, и подменяет строгое внимание этого Я к конкретным делам волнующим осознанием себя. Слово «Я» остается шибболетом человечества. Наполеон не вкладывал в него силу отношения, он произносил его как Я исполнения. Тот, кто пытается повторять это вслед за ним, лишь выдает безнадежное отчаяние своего противоречия с самим собой.

– Что такое противоречие с самим собой?

– Если человек не подтверждает априорность своей жизни в мире, если он не выявляет и не осуществляет врожденное Ты во встреченном, то оно обращается внутрь. Оно разворачивается в неестественном, невозможном объекте, в Я, то есть оно разворачивается там, где для его развертывания нет места. Противостояние с тем, что над ним, происходит внутри него самого, однако это не может быть отношением, но лишь противоречием с самим собой. Человек может пытаться объяснить это как отношение, возможно как религиозное отношение, чтобы избавиться от ужаса лицемерия своего двойника, но он снова и снова принужден открывать обман такого объяснения. Здесь подходит край жизни, здесь неисполненная жизнь прячется в бредовой видимости исполнения; она ищет выход из лабиринта ощупью, но лишь еще больше теряется.

Временами человек, содрогаясь от отчуждения между Я и миром, приходит к пониманию того, что надо что-то предпринять. Также иногда случаются тяжелые, дурные ночи, когда ты лежишь без сна, истерзанный ночным кошмаром; бастионы рухнули, и бездны взывают, и посреди всех этих мук ты замечаешь: жизнь еще существует, и я только должен пройти через это – но как, как? Так происходит с человеком, который, очнувшись от беспомощности, содрогаясь от ужаса, старается обдумать свое положение и не понимает, в каком направлении ему двигаться. Возможно, он все же знает направление, знает где-то внизу, неприятным знанием глубины, он знает направление возвращения, которое ведет его через жертву. Но человек отбрасывает это знание; «мистическое» не выдерживает света электрического солнца. Он призывает мысль, которой он – вполне справедливо – доверяет; она снова поправит все его дела. Это высокое искусство мысли – нарисовать надежную и

весьма вероятную картину мира. Вот человек и говорит своей мысли: «Взгляни-ка вот на эту, развалившуюся здесь со злыми глазами, – не та ли это, с которой я когда-то играл? Ты знаешь, как она тогда смеялась мне именно этими глазами, но тогда они были добрыми? Теперь посмотри на мое несчастное Я – я хочу признаться тебе, что оно пусто; и что бы я ни делал внутри себя исходя из опыта и использования, оно не попадает в свое дупло. Ты не хочешь снова исправить дела между мною и ею, чтобы она оставила меня в покое, а я выздоровел?» И услужливая и искусная мысль со своей прославленной быстротой рисует один – нет, два ряда картин на правой и левой стене. На одной находится (скорее, происходит, ибо нарисованная мыслью картина мира – это достоверная кинематография) Вселенная. Из вихря планет выныривает маленькая Земля, из кишасей земной массы выныривает маленький человек, и теперь история несет его дальше сквозь времена, чтобы он снова и снова упорно восстанавливал муравейники культур, попорченные и раздавленные историей. Под этим рядом написано: «Одно и все». На другой стене разворачиваются события души. Пряжа прядет; круги планет, и жизнь всех творений, и вся мировая история – все это пряжа одной нити, и зовется уже не планетами и творениями мира, а ощущениями и представлениями, или даже, скорее, переживаниями и состояниями души. И под этим рядом написано: «Одно и все».

Отныне, если когда-нибудь человек содрогнется от ужаса отчуждения и утратит мир, он посмотрит (вправо или влево, как получится) и увидит картину. Тогда он увидит, что Я находится в мире и что, собственно, никакого Я нет, то есть мир не может причинить Я никакого зла, и человек успокаивается. А в другой раз, если когда-нибудь человек содрогнется от ужаса отчуждения и утратит мир, он посмотрит и увидит картину; и все равно, какую он увидит, – поймет он, что Я заполнено миром или мировой поток захлестывает его; и человек успокоится.

Но грядет миг, и он близок, когда посмотрит содрогнувшийся человек и в одно мгновение увидит обе картины разом. И глубокий страшный трепет охватит его.

Часть третья

Продолжения линий отношений пересекаются в вечном Ты.

Каждое индивидуальное Ты есть его представление. Через каждое индивидуальное Ты основное слово обращается к вечному Ты. Из этого посредничества Ты всех существ происходит исполненность или неисполненность отношений к ним. Врожденное Ты осуществляет себя в каждом, но не завершается ни в ком. Оно свершается единственно только в непосредственном отношении к Ты, которое по существу своему не может стать Оно.

К своему вечному Ты люди обращались разными именами. Когда они пели хвалу названному, они всегда имели в виду Ты: первые мифы были хвалебными песнями. Потом имена вошли в язык Оно; оно все сильнее побуждало людей думать о вечном Ты как об Оно и, соответственно, так говорить о нем. Но имена всех богов оставались священными, ибо они были не только словом о Боге, но и обращением к нему.

Некоторые предпочитают считать неправомерным использование слова «Бог», потому что это есть злоупотребление его именем. И в самом деле, это одно из самых нагруженных смыслом человеческих слов. Именно поэтому оно и самое непреходящее, и самое необходимое. И чего стоят все ошибочные речи о сущности Бога и его творениях (а они всегда ошибочны и не могут быть другими) в сравнении с Единой Истиной, ибо все, кто обращается к Богу, имеют в виду его самого? Ибо тот, кто произносит слово «Бог» и на самом деле имеет его в своих мыслях, произносит – при всех своих заблуждениях – истинное Ты своей жизни, которое не может быть ограничено никаким другим и с которым он состоит в отношении, включающем все другие отношения.

Но и тот обращается к Богу, кто ненавидит имя и воображает себя безбожником, когда он всем своим существом обращается к Ты своей жизни как к тому, что не может быть ограничено другими.

Когда мы идем каким-то путем и встречаем человека, который, идя нам навстречу, идет каким-то своим путем, то мы знаем только свой отрезок пути, а не его, его путь мы переживаем только в ходе встречи.

О завершенном процессе отношения мы знаем – в том духе, что он пережит нами – только наш выход, наш отрезок пути. Другой отрезок пути нам только предстоит, и мы ничего о нем не знаем. Он будет нами пройден при встрече. Но мы лишь надорвемся, если будем говорить, что этот отрезок пути есть Нечто по ту сторону от встречи.

То, чем нам должно заняться, то, чем нам следует озаботиться, – это не другая, а наша сторона; это не милость, а воля. Милость касается нас постольку, поскольку мы выходим ей навстречу и ожидаем ее присутственного появления; она не является для нас объектом.

Ты выступает мне навстречу. Но именно я вступаю в непосредственное отношение с ним. Итак, отношение означает быть избранным и выбирать, означает пассивность и действие вместе. Но тогда как действие целостного существа, будучи отменой всех частичных действий, а тем самым и всех (основанных на их ограниченности) восприятий действия, должно уподобиться пассивному, страдательному действию?

Это деятельность целиком состоявшегося человека, которую называли надеянием, и по ее ходу ничто частное больше не трогает человека, ничто, исходящее из него, не вмешивается в мир; это деятельность, в которой действует целостный, замкнутый в своей целостности и покоящийся в ней человек, человек, ставший действующей целостностью. Достигнутая в таком понимании устойчивость означает способность выйти к высшей встрече.

При этом нет нужды отбрасывать чувственный мир как мнимый. Не существует мнимого мира – существует мир, представляющийся нам двойственным в соответствии с нашим двойственным положением в нем. Надо лишь снять запрет на изолированность. Нет также нужды в «выходе за пределы чувственного опыта»; каждый опыт, пусть даже самый духовный, может предоставить нам только Оно. Нет нужды и в обращении к миру идей и ценностей: они не могут стать для нас настоящим. Во всем этом нет никакой нужды. Можно ли сказать, что же нужно? Но не в смысле предписания. Все, что во времена человеческого духа было измышлено и изобретено в форме предписаний, желательной подготовки, упражнения, погружения, не имеет никакого отношения к исконно простому факту встречи. Каким бы преимуществам в познании или в достижении власти мы ни были обязаны тем или иным упражнениям, все это не имеет отношения к тому, о чем здесь говорилось. Все это имеет в мире Оно свое место и не выводит из него ни на один шаг, именно на этот шаг. Выходу из этого мира невозможно научиться с помощью предписаний. На выход можно лишь указать, чтобы стал виден круг, который отсекает все, что не является выходом. Тогда становится видимым то самое одно, от чего все зависит, – полное принятие настоящего.

Разумеется, принятие представляет тем больший риск, тем более стихийное изначальное возвращение, чем дальше человек ушел в изолированность; здесь речь идет об отказе не от Я, как по большей части считают мистики; Я необходимо для каждого отношения, а не только для отношения высочайшего, так как отношение может иметь место только между Я и Ты; итак, это отказ не от Я, а от того ложного инстинкта самоутверждения, который заставляет человека бежать из ненадежного, бесплотного, лишеного длительности, необозримого и опасного мира в мир обладания вещами.

Каждое действительное отношение к существу или сущности в мире является исключительным. Освобожденным, исходящим, единственным и обоюдно сущим – таким является этим существам и сущностям их Ты. Оно заполняет небесный круг: и не то чтобы ничего другого не существует, но все другое живет в его свете. Пока сохраняется настоящее отношение, это всемирное пространство неприкосновенно. Но когда Ты превращается в Оно, мировой охват отношения начинает выступать в роли несправедливости к миру, а исключительность этого охвата выступает как исключенность Вселенной.

В отношении к Богу безусловная исключительность и безусловная включенность есть одно. Для того, кто вступает в чистое отношение, все единичное уже не имеет значения, ни вещи, ни существа, ни Земля, ни небо, но все включается в отношение. Ибо вхождение в чистое отношение не означает отказа от всего, это означает все видеть в Ты; не означает отречения от мира, но означает утверждение его в его основе. Ни отвращение от мира, ни пристальное, застывшее внимание к Богу не помогают приблизиться к нему; но тот, кто видит мир в нем, находится в его настоящем. «Здесь мир, там Бог» – это речь Оно; «Бог в мире» – другая речь Оно; но ничего не исключать, ничего не оставлять за спиной, но охватить весь мир в Ты, воздать миру его право и его истину, чтобы ничего не оставалось рядом с Богом, но все охватить в нем – вот что значит совершенное отношение.

Нельзя найти Бога, оставаясь в мире; нельзя найти Бога, выходя из мира. Тот, кто всем своим существом выходит к своему Ты и отдает ему все сущее мира, находит того, кого невозможно искать.

Понятно, что Бог – это «совсем другое», но он одновременно и это же самое: полностью присутствующее настоящее.

Понятно, что Бог есть *mysterium tremendum*, страшная тайна, которая является и низвергает, но он же и тайна само собой разумеющегося, которое ближе мне, чем собственное Я.

Когда ты проникаешь в жизнь вещей и овеществленность, ты приходишь к нерасторжимому; когда ты оспариваешь жизнь вещей и овеществленность, ты оказываешься перед ничто; когда ты освящаешь жизнь, встречаешь ты Бога живого.

Чувство Ты человека, у которого из отношений ко всем отдельным, единичным Ты возникает разочарование из-за превращения Ты в Оно, поднимается над всеми ими, но не теряет связи со своим вечным Ты. Не то чтобы надо что-то искать; на самом деле не существует никакого поиска Бога, потому что не существует ничего, в чем нельзя было бы его найти. Насколько глуп и безнадежен человек, отклоняющийся от своего жизненного пути, чтобы искать Бога: он не найдет его, даже если обретет всю мудрость уединения и все могущество общности. Скорее, это получится у него, если он идет по жизни своим путем и только желает, чтобы это оказался тот самый путь; в силе его желания проявляется его устремление. Каждое событие отношения является точкой, с которой ему открывается вид на исполняющееся; так что во всех них он непричастен к этому одному событию, но также причастен, потому что он в состоянии готовности. Готовности, а не поиска, и в этом состоянии идет он своим путем; поэтому обладает он спокойствием в отношении всех вещей; он соприкасается с ними, и это им помогает. Но если он нашел, то сердце его не отворачивается от них, ибо встретил он все в одном. Он благословляет все клетки, которые дали ему прибежище и дадут еще. Ибо нахождение – это не конец пути, а лишь вечная его середина.

Это нахождение без поиска; открытие того, что есть самое изначальное и первоначало. Чувство Ты, которое не может насытиться до тех пор, пока не обнаружит бесконечное Ты, которое было с самого начала настоящим для этого чувства: присутствие должно было стать полностью действительным из действительности освященной мировой жизни.

Неверно думать, что Бога можно из чего-то вывести, например из природы как ее создателя, или из истории как ее поводыря, или из субъекта как самость, которая мыслит себя в нем. Неверно думать, будто есть некая другая «данность», из которой его можно вывести; Бог дан нам непосредственно как изначальное и долговечное сущее: правомерно лишь обращение к нему, но не высказывания о нем.

Существенным элементом отношения к Богу считают чувство, которое называется чувством зависимости, а в последнее время – чувством тварности. Хотя правильность выделения и определения этого элемента обоснованна, но одностороннее подчеркивание его затемняет характер совершенного отношения.

То, что уже было сказано о любви, становится здесь еще яснее: чувства лишь сопровождают факт отношения, которое осуществляется не в душе, а между Я и Ты. Каким бы исключительно важным ни считали чувство, оно остается подчиненным динамике души, где одно опережает, превосходит и устраняет другое; чувство – в отличие от отношения – помещается на определенной шкале. Но прежде всего каждое чувство занимает определенное место внутри полярного напряжения; оно черпает свой цвет и свое значение не только из самого себя, но и из противоположного полюса; каждое чувство обусловлено своей противоположностью. Таким образом, абсолютное отношение, которое в действительности включает в себя все отношения относительные, уже не часть; подобно им, оно является целым, их завершением и установившимся единством; однако в психологии абсолютное отношение делают относительным, чем низводят его до уровня выделенного и ограниченного чувства.

Исходя из свойств души можно понять совершенное отношение только как биполярный феномен, только как *coincidentia oppositorum* – как единение противоположных чувств. Разумеется, один полюс часто исчезает – под давлением религиозной установки личности – в результате ретроспективной работы сознания; о нем можно вспомнить только при чистейшем и беспристрастном самоосмыслении.

Да, в чистом отношении ты чувствовал себя абсолютно зависимым, ты и подумать не мог, что может быть такая зависимость, но и одновременно совершенно свободным, и таким свободным ты не был никогда и нигде больше; ты чувствовал себя творящим и одновременно творимым. Не было у тебя больше одного, ограниченного другим; но и то и другое было безграничным, но оба они были вместе.

В сердце своем ты всегда знал, что нуждаешься в Боге больше, чем в чем-либо еще; но было ли тебе ведомо, что и Бог нуждается в тебе во всей полноте своей вечности? Что случилось бы с человеком, если бы Бог не нуждался в нем; что случилось бы с тобой? Ты нуждаешься в Боге, чтобы быть, а то, что Бог нуждается в тебе, составляет смысл твоей жизни. Поучения и стихи тщатся сказать как можно больше и говорят слишком много; как мутны и высокопарны речи о «становящемся Боге» – но становление Сущего в бытии Бога непреложно, и это мы непреложно знаем в своем сердце. Мир – это не божественная судьба, и это божественная судьба. В том, что есть мир, что есть человек, что есть человеческая личность, есть Ты и Я, проступает божественный смысл.

Творение – оно происходит с нами, оно прожигает нас, опалает нас, мы трепещем и преходим, мы подчиняемся. Творение: мы принимаем в нем участие, мы встречаем Творца, мы предаемся Ему, становясь Его помощниками и спутниками.

Двое великих слуг проходят сквозь времена – молитва и жертва. Молящийся рассыпает себя в самоотверженной зависимости и непостижимым образом знает, что воздействует на Бога, пусть даже и ничего от Него не добывается; ибо, когда он уже больше ничего не желает для себя, видит он свое действие пылающим в высшем пламени. А жертвователем? Вправе ли я презирать его, этого добросовестного раба из древних времен, который полагал, что Богу угоден аромат его всеожжания; в своей простодушной и крепкой уверенности он знал, что человек может и должен приносить Богу дары; это знал и тот, кто отдавал Ему свою малую волю и встречал Бога в Его великой воле. «Да будет воля Твоя», – только это говорит он, но дальше за него глаголет истина: «Через меня, в котором Ты нуждаешься». Что отличает жертву и молитву от всякой магии? Магия хочет влиять, не вступая в отношение, попусту расточая свое искусство; жертва и молитва же встают «пред лицом» в совершении священного основного слова, означающего взаимодействие; они говорят Ты и внимают.

Желать понимать чистое отношение как зависимость означает хотеть лишиться действительности одного из носителей и сделать недействительным самое отношение.

Если встать на противоположную точку зрения, то увидим, что происходит то же самое, если существенным элементом религиозного акта будем считать погружение или вхождение в самость – будь это за счет ее освобождения от всякой обусловленности человеческим «я» или будь это за счет того, что самость понимают как мыслящее и существующее Одно. Первый способ рассмотрения предполагает, что Бог должен войти в освобожденное от Я существо либо что это Я растворяется в Боге; второй предполагает, что оно находится непосредственно в самом себе как в божественном Одном; в первом случае имеют в виду, что в какой-то наивысший момент произнесение Ты прекращается, потому что двойственности больше нет; во втором случае имеют в виду, что произнесения Ты вообще не существует, потому что никакой двойственности в принципе нет. Первый способ зиждется на вере в единение, второй – на идентичности человеческого и божественного. Оба способа утверждают нечто по ту сторону от Я и Ты; первый предполагает, что оно есть нечто возникающее, как это случается в экстазе, второй – нечто сущее и открывающее себя, как в самосозерцании мыслящего субъекта. Оба подхода устраняют отношение: первый как бы динамично, посредством того, что Ты поглощает Я, которое теперь уже не Ты, а единственно сущее; второй делает то же самое как бы статично, посредством осознания себя как единственно сущего растворяющимся в самости Я. Если учение о зависимости видит Я-носителя мирового свода чистого отношения столь слабым и ничтожным, что его способность к роли носителя более не внушает доверия, то одно из учений о погружении завершает свод, и он исчезает в завершенности; другое учение усматривает в своде иллюзию, от которой следует отказаться.

Учения о погружении ссылаются на великие изречения о тождественности – одно, прежде всего, на стих Евангелия от Иоанна: «Я и Отец суть одно»; второе – на учения Шандилья: «Всеохватывающее – это моя самость во внутреннем сердце».

Пути этих изречений противоположны друг другу. Первый имеет источником (возникающим из подземных потоков) великую, как миф, жизнь некоей личности и развертывается в учение; второй возникает внутри учения и вливается (на время) в великую, как миф, жизнь некоей личности. На этих путях меняется характер текстов. Христос Иоанновой традиции, единовременное превращение слова в плоть, ведет к Экхарту, к Богу, который вечно рождает Христа в человеческой душе; завершающая формула Упанишад, трактующая самость: «Это действительное, это самость, и это ты», – сразу приводит к буддийской формуле отречения: «Самость и принадлежащее самости поистине и в действительности охватить невозможно».

Начало и конец обоих путей надо рассматривать по отдельности.

То, что ссылка на «суть одно» неосновательна, станет ясно каждому, кто беспристрастно, стих за стихом, прочитает Евангелие от Иоанна. Собственно, это Евангелие чистого отношения. Оно более истинно, нежели в расхожем мистическом стихе: «Я – это ты, а ты – это я». Отец и Сын, единосущные, суть нераздельно действительные Двое, носители изначального отношения, которое есть послание и заповедь человеку от Бога, и созерцание, и восприятие, когда оно направлено от Бога к человеку; познанием и любовью называется оно, когда пребывает между ними; внутри этого отношения сын склоняется перед «величайшим» и молится ему, несмотря на то что отец живет и действует в нем самом. Все современные попытки заново истолковать эту изначальную действенность диалога в отношении Я к самости или к чему-то подобному как замкнутый процесс внутри самодостаточного внутреннего мира человека являются тщетными; они принадлежат лишенной фундамента истории уничтожения действительности.

– Но как быть с мистиками? Они говорят, как пережить единство без раздвоения. Можно ли сомневаться в истинности их утверждения?

– Мне известно не одно событие, в ходе которого не существует более никакого раздвоения, возможны такие события двоякого рода. Мистики временами смешивают их в своих речах; так однажды сделал и я.

Одно событие – это становление единства души. Это не то, что происходит между человеком и Богом, но то, что происходит в человеке. Силы собираются в единой сердцевине, все, что хочет их отвести, обуздывается, существо целиком пребывает в самом себе и ликует, как говорил Парацельс, в своей экзальтации. Для человека это решающее мгновение. Без него человек не пригоден к работе духа. Если оно происходит, то в глубинах человека принимается решение, означает ли оно отдохновение или осознание достаточности. Собранный в единство человек может выйти на одну, лишь ныне, в данный момент, сбывающуюся встречу с тайной и благом. Может насладиться блаженством сосредоточения, но не принять на себя свой высший долг и вернуться в рассеяние. На нашем пути решением является все: решением задуманным, предвкушаемым, тайным; то же решение, что принимается в сокровенной глубине человека, есть изначально таинственное и в наибольшей степени определяющее.

Другое событие есть тот недоступный поиску род акта отношения, в котором человек воображает, что двое стали одним: «Один и один соединяются, несокрытое светится в несокрытом». Я и Ты погружаются, человеческое, только что предстоявшее божественности, растворяется в ней, и являются восхваление, обожествление и всеобщее единение. Когда же человек, просветленный и обессиленный, возвращается к нуждам земной суеты и его познавшее сердце пытается осмыслить и то и другое, разве не покажется ему бытие расколотым надвое, а одна его часть – обреченной на нечестие? Какая польза моей душе от того, что она снова может быть исторгнута в единство, если этот мир необходимо остается непричастным этому единству, что пользы от всех «божественных наслаждений» для разорванной надвое жизни? Если то безмерно насыщенное небесное мгновение не имеет ничего общего с моим жалким земным мгновением, то что мне до него, если я должен и дальше жить на Земле, жить абсолютно серьезно, жить на самом деле? Поэтому стоит понять учителей, которые отвергают блаженство экстатического «единения».

Это не было единением. Для сравнения я возьму людей, которые, ослепленные страстью исполняющего Эроса, пребывают в восторге от чуда объятий, теряют знание о Я и Ты в ощущении единения, которого, на самом деле, не существует и не может существовать. То, что экстатики именуют единением, есть лишь упоительная динамика отношения; это не возникающее в данное мгновение мирового времени единение, которое сплавляет воедино Я и Ты, это динамика самого отношения, которая может поставить себя перед непоколебимо предстоящими друг другу носителями, заслонив от каждого из них переживаемое ими чувство экстаза. Здесь, таким образом, происходит пограничное возвышение акта отношения; само отношение, его витальное единство ощущается столь сильно, что участники этого отношения бледнеют на его фоне, что забываются ради его жизни Я и Ты, между которыми оно установилось. Здесь мы имеем дело с проявлением края, до которого простирается действительность и у которого она расплывается, теряя контуры. Однако для нас центральная действительность повседневного земного часа с полоской солнечного света на ветке клена и предчувствием вечного Ты больше, нежели все хитросплетения загадок на краю бытия.

Этому, однако, противостоит притязание другой доктрины о погружении; согласно этому притязанию, все сущее и самость тождественны, и поэтому никакое произнесение не может стать гарантией последней действительности.

Этому притязанию отвечает само учение. Одна из Упанишад рассказывает, как царь богов Индра пришел к духу творения Праджапати, чтобы узнать, как обрести и познать самость. Индра пробыл в ученичестве сто лет, учитель дважды отсылал его с неудовлетворительными ответами до тех пор, пока не сказал ему буквально так: «Когда некто покоится в глубоком сне без сновидений, то это и есть самость, это бессмертие, это надежное, это все сущее». Индра ушел, но скоро закралось в его голову сомнение; он вернулся и спросил: «В таком состоянии, о Возвышенный, никто не может знать своей самости: “Это я”, – и не знает: “Это другие существа”. Он подвержен уничтожению. Не вижу я здесь никакого блага». – «Именно так, господин, – ответил Праджапати. – Оно именно так и поступает».

Поскольку учение содержит в себе высказывание об истинном бытии, то (поскольку речь, как всегда, идет о содержащейся в ней – и недоступной в этой жизни – истине) это учение не имеет ничего общего с проживаемой действительностью; оно поэтому должно низвести ее до мира иллюзии. И поскольку учение содержит руководство к погружению в истинное бытие, постольку оно не ведет в проживаемую действительность, но ведет в «уничтожение», где не правит сознание, откуда не выведет память; имеющий опыт погружения и вышедший оттуда человек может познать пограничное слово недвойственности, но не смеет он объявлять его единством.

Мы же хотим свято блюсти священное благо нашей, дарованной нам в этой жизни действительности, и не может быть дарованной ни в одной другой, только в этой, которая ближе всех к истине.

В проживаемой действительности нет никакого единства бытия. Действительность существует только в действии, ее сила и глубина – в силе и глубине действия. Также и «внутренняя» действительность существует только тогда, когда имеет место взаимодействие. Сильнейшая и глубочайшая действительность существует там, где все входит в действие, весь человек в его цельности без остатка, всеохватывающий Бог, единое Я и безграничное Ты.

Я сплавлено воедино, ибо существует (я уже говорил об этом) в проживаемой действительности установившееся единство, концентрация сил в единой сердцевине, решающее для человека мгновение. Но это не отказ от действительной личности, как при погружении. Погружение хочет только «чистого», собственного, долговечного, а все остальное – отбросить; концентрация же не считает инстинктивное слишком нечистым, чувственное слишком периферийным, душевное слишком мимолетным – все должно быть включено и подчинено. Концентрация хочет не абстрактной самости, она хочет цельного, неумаленного человека. Она имеет в виду действительность и сама ею является.

Учение о погружении требует и обещает возвращение в единое мыслящее, «из которого мыслится этот мир», в чистый субъект. Однако в проживаемой действительности не существует мыслящего без мыслимого; скорее, здесь мыслящее распоряжается мыслимым в не меньшей степени, чем мыслимое – мыслящим. Субъект, который отделяется от объекта, перестает быть действительным. Мыслящий субъект в себе существует в мышлении, как его продукт и как его объект, как свободное от представлений пограничное понятие; затем – в предвосхищающей детерминации смерти, на место которой можно также поставить ее подобие, почти непроницаемый глубокий сон; и, наконец, он существует в высказывании учения о подобном глубокому сну состоянии погружения, в котором, по самой его сущности, нет ни сознания, ни памяти. Этим достигается наивысшая вершина языка Оно. Должно уважать возвышенную силу их отречения и, глядя на них почтительным взглядом, следует признать их не только как нечто достойное переживания, но и как то, чем не следует жить.

Будда, «совершенный» и совершающий, ничего не высказывает. От отказывается утверждать, что единство существует и что единства не существует; что прошедшее все испытания погружением прошлое после смерти существует в единстве и что оно в нем не существует. Этот отказ, это «благородное умолчание» можно объяснить двояко:

теоретически – поскольку совершенство нельзя постичь мышлением и высказыванием; практически – поскольку раскрытие его сущностного содержания не является основанием и фундаментом истинной священной жизни. Оба объяснения, как истинные, соединены друг с другом: тот, кто обращается с сущим как с предметом некоего высказывания, затягивает его в разделенность опыта, в антитезу мира Оно, в котором нет священной жизни. «Когда, о монах, господствует мнение, что душа и тело сущностно едины, то нет священной жизни; когда, о монах, господствует мнение, что душа – это одно, а тело – другое, то и тогда не существует священной жизни». В созерцаемой тайне, как и в переживаемой действительности, господствует не «это так» и не «это не так», не «бытие» и не «небытие», но «так-или-иначе», «бытие-и-небытие», то есть нечто нераздельное. Нераздельно предстоять нераздельной тайне – это изначальное условие блага. Несомненно, что Будда это познал. Как и все подлинные учителя, он хочет учить не воззрению, но пути. Он оспаривает только одно утверждение «глупцов» – о том, что якобы нет поступка, нет деяния, нет силы, но Будда говорит: человек может идти по пути. Он отваживается только на одно утверждение, и оно решающее: «Есть, о монахи, нерожденное, неставшее, несотворенное, бесформенное»; если этого нет, то нет и цели; если же это есть, то путь имеет цель.

До сих пор могли мы, верные истине нашей встречи, следовать за Буддой, но следующий шаг стал бы изменой действительности нашей жизни. Ибо в соответствии с истиной и действительностью, которые мы получаем не от себя – они даются и уделяются нам – мы знаем: если это только одна из целей, то она не может быть нашей; если же это одно есть только цель, то она неверно обозначена. И еще: если это одна из целей, то путь может к ней привести; если же это одна цель, то путь может лишь подвести к ней ближе.

Целью Будда называет «прекращение страдания», то есть становления и исчезновения, – освобождение из колеса рождений. «Не существует отныне возвращения», – такова спасительная формула того, кто освободился от страстного стремления к существованию и тем самым освобождается от вечной необходимости повторных становлений и долженствований. Мы не знаем, существует ли возвращение; мы не проводим линии временно2го измерения, в котором мы живем; мы не продолжаем ее за пределы этой жизни, и мы не пытаемся узнать, что в свой срок и в ее законе откроется нам, но если бы мы знали, что возвращение существует, то мы бы не пытались его избежать, но жаждали бы мы не грубого чувственного существования, но в каждом из существований мы стремились бы, соответственно, к его типу и языку, к тому, чтобы смочь сказать вечное Я преходящего и вечное Ты непреходящего.

Мы не знаем, ведет ли Будда к цели, к освобождению от необходимости повторных перевоплощений. Несомненно, что к промежуточной цели он приводит и эта цель касается и нас – к становлению единства души. Но он ведет туда не просто так, как это необходимо, обходя «чащобу мнений», но и обходя также «иллюзию форм», однако для нас это не иллюзия, скорее (вопреки всем субъективирующим парадигмам созерцания, которые для нас точно так же относятся к иллюзорному), все же, наоборот, достоверно существующий мир; кроме того, его путь есть путь отречения, и когда он, например, предлагает нам осознать процессы, происходящие в нашем теле, то под этим он подразумевает едва ли не противоположность нашему чувственно-достоверному познанию тела. Будда не ведет

ставшее единым существо дальше, к тому высочайшему высказыванию Ты, которое ему открылось. Представляется, что его принятое в глубинах его внутреннего мира решение доходит до уничтожения возможности говорить Ты.

Будда знает изъявление Ты по отношению к человеку – на это указывает обращение с учениками (с позиции возвышенной, но непосредственное), – но он не учит их говорить это, ибо эта любовь, которая предполагает, что «все, что возникло, неограниченно заключено в груди», чужда простому предстоянию существ в отношении друг друга. Несомненно, что в глубинах своего молчания Будда знает изъявление Ты, обращенное к изначальному, минуя «богов», с которыми Будда общается как с учениками; его деяние происходит из процесса отношения, ставшего субстанцией, и это деяние тоже есть ответ на Ты, но об этом Будда умалчивает.

Народы-наследники «Большой колесницы» превосходнейшим образом как бы отреклись от Будды. Они обратились к вечному Ты человека, обратились под именем Будды. Они знают как Будду того, кто явится в последней эпохе мира; они ждут его – того, кто должен исполнить любовь.

Все учения о погружении основаны на величайшем заблуждении обращенного к самому себе человеческого духа: якобы он совершается в человеке. На самом деле это происходит вне человека – между человеком и Тем, что человеком не является. Из-за того, что обращенный к самому себе дух отрекается от своего смысла, от смысла своего отношения, он, дух, вынужден включать его в человека. То, что не является человеком, вынуждено одушевлять мир и Бога. Это есть душевное заблуждение духа.

«Я возвещаю, друг, – говорит Будда, – что в этом аскетическом теле величиной в сажень, в теле, охваченном чувствованиями, живет мир, и возникновение мира, и уничтожение мира, и путь, ведущий к уничтожению мира».

Это истина, но в конечном счете и не истина.

Несомненно, мир «живет» во мне как представление, так же как я живу в нем как вещь. Но это не значит, что он во мне, а я в нем. Мир и я взаимно включены друг в друга. Это мыслительное противоречие, присущее отношению Оно, снимается отношением Ты, которое освобождает меня от мира, чтобы связать меня с ним.

Смысл самости, который не может быть включен в мир, я ношу в себе. Смысл бытия, который не может быть включен в представление, носит в себе мир.

Я ношу внутри себя ощущение самости, которую невозможно включить в мир. Мир носит внутри себя ощущение бытия, которое невозможно включить в представление. Это ощущение бытия, однако, не является «волей», которую можно помыслить, но просто тотальностью мира как такового, как мира, тотальностью, которую невозможно включить в представление. Так же, как чувство самости не является «познающим субъектом», но просто есть тотальность Я как такового, как Я. Здесь невозможна дальнейшая «редукция»; тот, кто не воздает чести последним единствам, сводит на нет доступный его пониманию смысл, но не смысл, целиком содержащийся в понятии.

Начало и гибель мира не во мне, но они также не вне меня; нельзя сказать, что они вообще существуют, они непрерывно происходят, связанные со мной и зависящие от меня, моей жизни, моего решения, моего труда, моего служения. Но они не зависят от того, «утверждаю» или «отрицаю» я мир в моей душе, они зависят от того, насколько я заставляю отношение моей души к жизни становиться жизнью, жизнью, воздействующей на мир, настоящей жизнью, а в настоящей жизни пути весьма разных отношений души могут пересекаться. Но тот, кто просто «переживает» свое отношение, осуществляет его только в душе, каким бы вдумчивым он ни был, лишен мира – и все забавы, искусства, экстазы, восторги и мистерии, которые в нем разыгрываются, не вызывают даже на поверхности мира ни малейшей ряби. Пока человек достигает свободы только в своей самости, он не может причинить миру ничего хорошего и ничего плохого; такой человек не соприкасается с миром. Только тому, кто верит в мир, дается сила войти в сношения с миром, и если он отдает самого себя этому, то он не может остаться без Бога. Если только мы возлюбим реальный мир, то он не позволит себе погибнуть, если мы возлюбим мир во всем его ужасе, если осмелимся обнять его руками нашего духа, то они встретятся в пожатии с руками мира.

Мне ничего не известно о «мире» и «жизни в миру», которые бы отчуждали человека от Бога. То, что описывают таким образом, есть на самом деле жизнь с отчужденным миром Оно, жизнь, посвященная опыту и использованию. Кто воистину выходит навстречу миру, тот выходит навстречу к Богу. Сосредоточение и выход необходимы, и то и другое суть истинно, это один-и-другой одновременно, и это и есть Одно.

Бог объемлет Вселенную, но он не есть Вселенная. Точно так же Бог объемлет самость, но не является моей самостью. Помня о недостаточности любого языка относительно этого факта, я могу все же сказать Ты на своем языке, как каждый человек может сказать это на своем, ввиду этого Я и Ты живы, живы диалог и речь (речь – это первичный акт духа), и Слово живо в вечности.

Религиозная ситуация человека, его наличное бытие в настоящем, характеризуется сущностной и неразрешимой антиномией. Ее сущность заключается в ее неразрешимости. Тот, кто принимает тезис и отвергает антитезис, искажает значение ситуации. Тот, кто пытается измыслить синтез, разрушает значение ситуации. Тот, кто стремится сделать антиномию относительной, полностью отменяет значение ситуации. Тот, кто старается разрешить конфликт антиномии не своей жизнью, а как-то по-другому, отступает от значения ситуации. Значение ситуации заключается в том, что она проживается, и только проживается, непрерывно, всякий раз заново, без предвидения, без предсказаний, без предписания, во всей цельности и тотальности антиномии. Прояснить это утверждение можно сравнением религиозной и философской антиномий. Кант хотел сделать относительным противоречие между необходимостью и свободой, приписав первую к миру явлений, а вторую – к миру сущности, сделав это для того, чтобы избавиться от реального их противопоставления, но чтобы они находились в состоянии примирения, такого же примирения, в каком находятся те миры, в которых они представлены. Но если я подразумеваю необходимость и свободу не в мыслимых мирах, а в реальности моего предстояния Богу, если знаю: «Я полностью предан» и также знаю: «Это зависит от меня», тогда я не смею пытаться уйти от парадокса, который я должен прожить, я не могу уйти от

него путем отнесения несовместимых полаганий к двум разделенным областям значимости, тогда я не имею права прибегать и к теологическим уловкам, чтобы примирить эти полагания понятийно; я должен прожить оба эти полагания как одно, и, прожитые, они становятся одним.

Глаза животного обладают способностями великого языка. Совершенно самостоятельно, без содействия звуков и жестов, весьма и весьма красноречиво, когда они полностью покоятся в своем взгляде, выдают они тайну своей природной плененности, своего страха становления. Состояние этой тайны известно только животному, только оно может открыть ее нам – но это лишь открытие, но не откровение. Язык, в рамках которого это происходит, есть то, что он говорит: страх движения твари между царством растительной надежности и царством духовного риска. Этот язык есть лепет природы, ощутившей первый натиск духа до того, как она отдается ему в его космическом риске, который и называют человеком. Но никакая внятная речь не сможет воспроизвести того, что сообщает нечленораздельный лепет.

Иногда я смотрю в глаза домашней кошке. Это одомашненное животное вовсе не получило от нас, как мы иногда себе воображаем, дар поистине «говорящего» взгляда, но – ценой непринужденности – получило способность обращать свой взгляд на нас, которые не являются животными. При этом в его взгляде, в его утренних сумерках и в его восходе есть какое-то удивление и вопрос, которые полностью отсутствуют в изначальном взгляде со всем его беспокойством. Эта кошка под прикосновением моего взгляда начинала вопрошать меня своим вспыхнувшим от моего интереса взглядом: «Может ли быть такое, что ты и в самом деле имеешь в виду меня? Ты и правда не хочешь только того, чтобы я позабавила тебя? Тебе и правда есть до меня дело? Я правда здесь? Что здесь от тебя? Что это здесь вокруг меня? Что это во мне? Что это?!» (Здесь «я» есть перифраз отсутствующего в нашем распоряжении слова для лишнего Я обозначения самого себя; под словом «это» надо понимать струящийся человеческий взгляд в полной реальности силы его отношения.) Вот взгляд животного, речь беспокойства, взошел во всем величии, и вот он снова закатился. Мой взгляд, разумеется, был более продолжительным, но он уже не был струящимся человеческим взглядом.

За поворотом мировой оси, запускающим процесс отношения, почти непосредственно последовал другой, который завершил этот процесс. Мгновение назад мир Оно окружал меня и животное, из основания в течение всего времени взгляда лучился мир Ты, но вот он уже угас в мире Оно.

Для того только, чтобы указать на эти почти незаметные восходы и закаты солнца духа, рассказываю я об этом крошечном эпизоде, который я пережил несколько раз. Ни в каких иных ситуациях не осознавал я столь глубоко преходящий характер актуальности во всех отношениях к существам, возвышенную печаль нашей судьбы, судьбоносное превращение всякого отдельно взятого Ты в Оно. Ибо во всех других случаях между утром и вечером события длился день, пусть даже короткий, – здесь же утро и вечер жесточайшим образом слились друг с другом, светлое Ты явилось и исчезло: действительно ли мы с животным были на единый миг избавлены от бремени Оно? Я все же мог еще какое-то время вспоминать об этом, но животное снова, из лепета своего взгляда, погрузилось в безмолвное, почти лишнее памяти беспокойство.

Как все же силен континуум мира Оно, как нежны и хрупки явления Ты!

Сколь многое не может пробить корку вещественности! О сверкающая блеска, рассматривая которую я однажды впервые понял, что Я не есть нечто «во мне» – я связан с тобой только во мне, а не между мной и тобой это тогда произошло. Но когда из вещей поднимается одно, живое становится для меня сущим, подступает ко мне в близости и языке, то сколь неумолимо коротким является время, в течение которого это одно остается для меня Ты, ничем кроме Ты! Это не отношение, которое необходимо ослабевает, но актуальность его непосредственности. Сама любовь не может устоять в непосредственном отношении; она длится, но в чередовании актуальности и латентности. Каждому Ты в мире заповедано по его природе становиться для нас вещью или же снова и снова возвращаться в вещьность.

Только в одном всеохватывающем отношении латентность еще есть актуальность. Лишь одно Ты по самой своей сущности никогда не перестает быть для нас Ты. Кто знает Бога, хорошо знает также и отдаленность Бога; ему знакома и мука охваченного страхом сердца, мука этой жажды; но ему неведома утрата присутствия. Только мы не всегда здесь.

Любящий из Vita Nuova верно и оправданно чаще говорит Ella и только изредка Voi; созерцающий из Paradiso, говоря Colui[3], говорит – подчиняясь поэтической необходимости – не вполне подходящее слово и знает это. Упомянут ли Бога словами Он или Оно, это всегда аллегория. Но когда мы говорим ему Ты, то в этот миг смертный смысл облекает в слово нерушимую истину мира.

Каждое действительное отношение в мире исключительно; Другое врывается в него и мстит за свое исключение. Только в отношении к Богу безусловная исключительность и безусловная включенность суть одно; Бог охватывает все.

Каждое действительное отношение в мире зиждется на индивидуации; она его блаженство, ибо только посредством ее познают друг друга различные сущности; индивидуация есть также граница мира, ибо так предупреждаются полное познание и познаваемость. Однако в полном отношении мое Ты охватывает и включает мою самость, не будучи при этом ею; мое ограниченное познание растворяется в моей безграничной познаваемости.

Каждое действительное отношение в мире осуществляется в чередовании актуальности и латентности, каждое отдельно взятое Ты должно окуклиться в Оно, чтобы снова обрести крылья. Однако в чистом отношении латентность есть короткая задержка дыхания актуальности, и в задержке этой сохраняется присутствие Ты. Вечное Ты является таковым в соответствии со своей сущностью; только наша сущность вынуждает нас втягивать его в мир и язык Оно.

Мир Оно обладает связностью в пространстве и времени.

Мир Ты не имеет связности ни в пространстве, ни во времени.

Мир Ты обладает связностью в средоточии, в котором продолженные линии отношений пересекаются в вечном Ты.

В великой привилегии чистого отношения снимаются привилегии мира Оно. В силу чистого отношения существует континуум мира Ты: изолированные моменты отношений соединяются в мировую жизнь связи. В силу чистого отношения миру Ты присуща формирующая способность: дух может проникать в мир Оно и преображать его. В силу чистого отношения мы не отдаемся на милость отчуждения от мира и утраты действительности Я, мы не отдаемся на произвол нашего покорения призрачным. Возвращение есть вновь обретенное познание средоточия, повторное обращение к самому себе. В этом сущностном деянии возрождается похороненная сила отношения человека, в живом потоке волна омывает все сферы отношений и обновляет наш мир.

И, может быть, не только наш. Ибо есть метакосмическое: миру как целому в его отношении к тому, что миром не является, внутренне присуща первоначальная форма двойственности, человеческим образом которой является двойственность положения, основных слов и аспектов мира; мы имеем право предвосхищать это двойное движение как метакосмическое – отдаление от изначальной основы, которое делает возможным сохранение сущего в становлении, а также обращение к изначальной основе, которое делает для всего сущего возможным освобождение в бытии. Оба эти движения судьбоносно развернуты во времени, милостиво защищены во вневременном творении, которое непостижимым образом является отпусканьем и сохранением, освобождением и связыванием. Наше знание о двойственности умолкает перед парадоксальностью изначальной тайны.

Есть три сферы, в которых строится мир отношения.

Первая: жизнь с природой, когда отношение застревает на пороге языка.

Вторая: жизнь с людьми, когда отношение формируется в языке.

Третья: жизнь с духовными сущностями, когда отношение не нуждается в языке, но оно его порождает.

В каждой сфере, в каждом акте отношения, через всякое предстоящее нам становящееся, наш взгляд выхватывает границу вечного Ты, из каждого Ты воспринимаем мы его дуновение, в каждом Ты обращаемся мы к вечному Ты – в каждой сфере соответствующим ей способом. Все сферы заключены в нем, но оно – ни в одной из них.

Все сферы пронизаны лучами настоящего.

Мы, однако, можем лишиться каждую сферу настоящего.

Из жизни с природой мы можем изъять «физический» мир, консистенцию; из жизни с людьми – «психический» мир, мир, подлежащий чувствам; из мира с духовными сущностями – «ноэтический» мир, мир значимости. Теперь у них отобрана прозрачность, а с нею – и смысл; оба они теперь доступны для использования, потускнели и остаются тусклыми, пусть мы и награждаем их блистательными именами, такими как космос, эрос, логос. На самом деле космос существует для человека только тогда, когда Вселенная становится ему домом со священным очагом, на котором он приносит жертвы; эрос существует для человека только тогда, когда живые существа становятся для него образами вечного, а общность с

ними становится откровением; логос существует для человека только тогда, когда он обращается к тайне своими трудами и служением в духе.

Требовательное молчание образа, любовный человеческий язык, говорящая немота животной твари – все это врата, ведущие в присутствие слова.

Однако, когда должна произойти совершенная встреча, все входы соединяются в единые врата действительной жизни, и ты уже не знаешь, в какой из входов ты вошел.

Из всех трех сфер особо выделяется одна: жизнь с людьми. Здесь находит свое завершение язык, находит его в речи, точнее в последовательности речи и ответной речи. Единственно здесь оформленное в языке слово встречает свой ответ. Теперь здесь основное слово, сохраняющее свою форму, направляется вовне, отражается и возвращается, живое обращение и живой отклик находятся внутри *Одного Языка*, Я и Ты состоят не просто в отношении, но в отношении надежной «честности». Здесь и только здесь имеют место моменты отношения, связанные стихией языка, в которую они погружены. Здесь предстоящее расцветает в действительность Ты. Ибо только здесь, в этой сфере, мы созерцаем и созерцают нас, мы познаем и познают нас, мы любим и любят нас – все это дано нам как действительность, которую невозможно потерять.

Это главный портал, во всеобъемлющий вход которого открываются оба боковых входа.

«Когда муж душой заодно со своей женой, овеивает их страстное желание с вечных холмов».

Отношение к человеку есть настоящее подобие отношения к Богу: в нем истинному обращению дается истинный ответ. Но только в ответе Бога открывается все: открывается Вселенная, и открывается она как речь.

– Но не является ли и одиночество вратами? Разве не может в тишайшем уединении порой открыться неожиданное созерцание? Разве не может общение с самим собой таинственным образом преобразиться в общение с тайной? Разве не тот достоин выйти навстречу предстоящему ему существу, кто не подчиняется больше ни одному существу? «Приди, Одинокий, к Одиноким», – призывает к своему Богу Симеон Новый Богослов.

– Существует два вида одиночества – в соответствии с тем, от чего оно отвращается. Если одиночеством назвать освобождение от приобретения опыта и использования в обхождении с вещами, то оно всегда нужно, чтобы вообще прийти к акту отношения, и не только высшего. Есть и другого рода одиночество, которое подразумевает отсутствие отношения: Бог примет того, кого покинули существа, которым он говорил истинное Ты, но не так происходит с тем, кто сам покинул их. Подвластен им только тот, кто обуян жаждой их использовать; тот же, кто живет в силе предстоящего, может быть только связан с ними. Тот, кто состоит в связи, и есть единственный, кто готов для Бога, ибо только он несет навстречу божественной действительности действительность человеческую.

И есть еще два вида одиночества в соответствии с тем, к чему оно обращено. Если одиночество – это место очищения, то оно также необходимо тому, кто находится в связи, прежде чем он вступит в святая святых, оно необходимо ему и в его исканиях, в его

переходах от падений к взлетам, взлетам к достоверности. Если же одиночество – это град разделения, где человек ведет диалог с самим собой не для того, чтобы проверить и осознать себя перед тем, что его ожидает, а для того, чтобы самодовольно наблюдать формирование своей души, то это падение духа и его превращение в духовность. Тот, кто сможет дойти до последней бездны падения, будет в ослепляющем самолюбании воображать, что он имеет Бога в себе и говорит с ним. Но, хотя Бог воистину объемлет нас и живет в нас, мы никогда не имеем его в себе. И мы говорим с ним только тогда, когда в нас не говорит уже ничто.

Один современный философ утверждает, будто каждый человек необходимо верит либо в Бога, либо в «идолов», то есть в какие-то конечные блага – в свою нацию, свое искусство, власть, науку, зарабатывание денег, «покорение все новых и новых женщин», то есть блага, которые превращаются для него в абсолютную ценность и становятся между ним и Богом; надо лишь указать человеку на вечность этого блага, сокрушить «идола», и отклонившийся от верного курса религиозный акт сам обратится на должный соответствующий предмет.

Такая точка зрения предполагает, что отношение человека к конечным благам, которые сделали его «идолами», по своему существу сходно с отношением к Богу и отличается от него одним только объектом, ибо только в этом случае простая замена ложного объекта истинным может спасти отступившего от верного пути. Однако отношение человека к какому-то «особенному нечто», которое завладело высочайшим ценностным тронном его жизни, вытеснив с него вечное, всегда направлено на опытное познание и использование какого-то Оно, какой-то вещи, какого-то объекта наслаждения. Ибо только это отношение может закрыть нам лицезрение Бога: оно заслоняет Бога непроницаемым миром Оно; созерцание Бога открывается только в отношении, которое говорит Ты. Тот, кто подпал под власть «идолов», которых он старается заполучить, иметь и сохранить, тот, кто одержим жадной обладания, не имеет никакого пути к Богу, кроме возвращения, каковое предполагает не одно только изменение цели, но и смену рода движения. Одержимого излечивают, пробуждая и нацеливая его к связи, а не тем, что направляют его одержимость на Бога. Если некто остается под воздействием одержимости, то что может означать тот факт, что он перестал призывать имя демона или какого-либо существа, изуродованного настолько, что оно представляется ему демоническим, но стал теперь призывать Бога? Это означает, что теперь он богохульствует. Это такое же богохульство, как если бы кто-то лежащую на алтаре поверженного идола оскверненную жертву принес в жертву Богу.

Тот, кто любит женщину, осуществляет ее жизнь в своей: Ты ее глаз позволяет ему видеть луч вечного Ты. Но если кто-то обуюн стремлением к «новым и новым покорениям женщин», то неужели вы действительно хотите утолить его вожделение призраком вечного? Кто служит своему народу, пылая в бездонной судьбе, если он хочет без остатка отдать себя ему, то он служит Богу. Если же нация стала для кого-то идолом, которому он хочет подчинить все, потому что в этом образе он хочет возвысить и свой, то не воображаете ли вы, что стоит внушить ему отвращение к идолу и он немедленно узрит истину? И как можно назвать то, что кто-то смотрит на деньги, на это воплощенное не-сущее, как на Бога? Что может быть общего между сладострастием наживы и накопительства и радостью присутствия настоящего? Может ли раб мамоны сказать деньгам Ты? И как подступить ему к Богу, если он не умеет произнести «Ты»? Он не может служить двум господам

одновременно и даже последовательно: сначала – одному, а потом – другому; сначала он должен научиться по-другому служить.

Обращенный посредством такой подмены человек «обладает» теперь призраком, который он называет Богом. Однако Бог, это вечное настоящее, не может быть предметом обладания. Горе одержимому, который воображает, будто он обладает Богом!

О «религиозном» человеке говорят как о человеке, которому нет нужды состоять в отношении с миром и существами, потому что ступень социального, которое определяется извне, преодолевается в этом случае силой, которая действует только изнутри. Но в понятии социального смешивают две в корне отличные друг от друга вещи: общность, вырастающую из отношения, и скопление лишенных отношения человеческих единиц, и это лишение отношения современного человека стало физически осязаемым. Но светлое здание общности, к которому в том числе ведет освобождение из темницы «социальности», есть результат действия той же силы, которая действует в отношении между человеком и Богом. Но оно не является просто одним из ряда всех прочих отношений; это всеобщее отношение, в которое, не иссякая, изливаются все потоки. Море и текущие в него потоки – кто может здесь установить или определить границы? Тут есть только одно течение – от Я к Ты, всегда все более бесконечное, безграничный поток Действительной Жизни. Невозможно разделить свою жизнь между действительным отношением к Богу и недействительным отношением Я – Оно к миру – обращаться к Богу с молитвой, а мир использовать практически. Тот, кто относится к миру как к материалу для использования, не может по-другому относиться и к Богу. Его молитва – это приносящая облегчение процедура, она обращена к уху пустоты. Такой человек – в противоположность атеисту, который среди ночи в тоске взывает к безымянному из окна своей комнаты, – начисто лишен Бога.

Есть и такие, кто утверждает, будто «религиозный» человек выступает перед Богом как одиночка, как единственный, как отделенный, потому что он перешагнул ступень «нравственного» человека, находящегося в плену у долга и вины перед миром. Якобы этот последний обременен ответственностью за поступки поступающих, ибо он полностью определен напряжением между бытием и долженствованием бытия и в эту бездонную пропасть кусок за куском бросает он в гротескной и безнадежной жертвенности свое сердце. «Религиозный» же человек освобождается от этого напряжения между миром и Богом, ибо здесь господствует заповедь, требующая снятия с себя беспокойства об ответственности и о предъявляемых к себе требованиях, ибо нет здесь собственной воли, но есть подчинение стечению обстоятельств, ибо всякое долженствование исчезает в безусловном бытии, а мир, хотя он и существует, не имеет больше никакого значения; в нем надо исполнить свое бытие, но это исполнение ни к чему не обязывает, ибо всякое деяние ничтожно. Но говорить это означает воображать, будто Бог создал мир как иллюзию, а человека – для собственного развлечения. Конечно же, тот, кто предстает перед Ликом, возносится над долгом и виной, но не потому, что отдаляется от мира, а потому, что на самом деле приближается к нему. Долг и вину несут перед чужим; к близким относятся любовно и с расположением. Тому, кто предстает перед Ликом, мир является в полноте настоящего и в сиянии вечности, и такой человек может одним изречением сказать Ты сущности всех существ. Здесь нет больше напряжения между миром и Богом, остается только одна действительность. Он не освободился от ответственности: вместо боли

конечной ответственности, следующей за действием, получил он движущую силу ответственности бесконечной, мощь любовной ответственности за всю необъятность происходящего в мире, за глубокую включенность мира в лик божий. Разумеется, он навсегда покончил с нравственным суждением: «злой» – это объект более глубокой ответственности, более других нуждающийся в любви; однако самостоятельные решения в глубине спонтанности он должен будет принимать до самой смерти, безмятежные решения о верном деянии. Ибо здесь деяние не ничтожно; оно было задумано, оно было выношено, оно является необходимым, оно принадлежит творению; но это деяние не предъявляет себя миру, оно вырастает из него, как если бы оно было надеянием.

Что есть вечное: в Здесь и Сейчас присутствующий прафеномен того, что мы называем откровением? Это миг, когда человек выходит из момента высшей встречи не таким, каким в него входил. Этот момент встречи не есть «переживание», которое возбуждается и блаженно округляется в восприимчивой душе, – здесь нечто происходит с человеком. Порой это может быть дуновение, порой – поединок, но все равно что-то происходит. Человек, который выходит из сущностного акта чистого отношения, имеет в своем существе нечто Большее, нечто приращенное, о котором он раньше не ведал и происхождение которого не может отчетливо обозначить. Как и всегда, научная ориентация в мире в своем полном правом стремлении к непрерывности причин и следствий выстраивает происхождение нового: нас же, для кого речь идет о созерцании действительного, не может устроить ни подсознательное, ни какой-либо иной аппарат душевной жизни. Действительность – это когда мы воспринимаем то, чего у нас раньше не было, и воспринимаем так, что знаем: это было дано нам. Выражаясь словами Библии: «Те, кто уповаet на Бога, взамен получают силу»; или, выражаясь языком Ницше, который в своих писаниях остается еще верен действительности: «Берешь, не спрашивая, кто здесь дает».

Человек воспринимает, и воспринимает не «содержание», но настоящее, настоящее как силу. Эти настоящее и сила обнимают триединство в его неделимости, но так, что мы можем наблюдать их как три обособленные сущности. Во-первых, всю полноту действительной обоюдности, соединенности, связанности; при этом невозможно указать, как возникает эта связанность, притом что эта связанность отнюдь не облегчает жизнь – она делает жизнь тяжелее, зато нагружает ее смыслом. А это уже второе – неизреченное подтверждение смысла. Смысл гарантирован. Ничто, ничто не может теперь быть бессмысленным. Нет больше вопроса о смысле жизни. А если бы он был, то уже не требовал бы ответа. Ты не знаешь, как выявить смысл, и не знаешь, как его определить, у тебя нет для него формулы и образа, и все же он для тебя вещь более несомненная, чем восприятие твоих органов чувств. Что он имеет в виду относительно нас, чего он хочет от нас – откровенный и скрытый? Он не желает быть истолкованным – мы не в состоянии его истолковать, он хочет, чтобы мы его породили. Это уже третье: это смысл не некоей «другой жизни», но этой нашей жизни, не какого-то «потустороннего», но этого нашего мира; смысл именно здесь жаждет нашего подтверждения. Смысл можно воспринимать, но его нельзя познать из опыта; его нельзя познать из опыта, но его можно произвести; именно этого он от нас и хочет. Гарантия смысла не желает оставаться заключенной внутри меня, она желает через меня родиться в мир. Но как сам смысл не позволяет переносить себя, выражать себя в общезначимом и общепринятом знании, так и его подтверждение не может быть истолковано как имеющее значение должествование, оно не предписано, не записано ни в

каких таблицах, которые можно было бы вложить во все головы. Подтвердить воспринятый смысл каждый человек может лишь неповторимостью своего существа и неповторимостью своей жизни. Так же как ни одно предписание не может привести нас к встрече, ни одно предписание не может вывести нас из нее. Так же как для того, чтобы прийти к встрече, необходимо только принятие настоящего, так это же, но в новом смысле требуется для того, чтобы выйти из нее. Так же как с одним только Ты на устах достигают встречи, так с ним на устах выходят из нее к миру.

То, перед чем мы живем, то, в чем мы живем, откуда и куда движемся, живя, – это есть тайна: она осталась такой же, какой была. Она стала для нас присутствующей и своим настоящим заявила нам о себе как о благе; мы «узнали» ее, но не обрели знания о ней, знания, которое могло бы уменьшить или смягчить ее таинственность. Мы приблизились к Богу, но не стали ближе к разгадке бытия, к снятию с него покровов. Мы ощутили разрешение, но не получили «решения». С тем, что мы восприняли, мы не можем пойти к другим и сказать: это следует знать, это следует делать. Мы можем лишь идти и подтверждать. И даже это мы не «должны» – мы можем, ибо нам это надо.

Это вечное, присутствующее в Здесь и Сейчас откровение. Я не знаю ни о каком другом, которое не было бы в прафеномене таким же самым, я не верю в другое откровение. Я не верю в самоназывание Бога, я не верю в самоопределение Бога перед человеком. Слово откровения таково: Я есть здесь как тот, который есть. Открывающийся в откровении есть открывающийся в откровении. Сущее здесь, и нет ничего, кроме него. Вечный источник силы исторгает поток, нас ожидает вечное прикосновение, звучит вечный голос, и нет ничего сверх этого.

Вечное Ты по самой своей сущности не может стать Оно, ибо его невозможно уложить ни в меру, ни в предел, так же как в меру неизмеримого и в границы беспредельного; ибо вечное Ты по самой своей сущности невозможно понять как сумму каких-то свойств и даже как бесконечную сумму свойств, возвышенных до трансцендентности; ибо его невозможно найти ни в мире, ни вне его; ибо его невозможно познать опытом; ибо его нельзя помыслить; ибо мы ошибемся и погрешим против него, воистину существующего, если скажем: «Я верю, что он есть»; «он» – это еще метафора, но «ты» метафорой не является.

И тем не менее мы все время, снова и снова, превращаем вечное Ты в Оно, в нечто, делаем Бога вещью – и делаем это в полном соответствии с нашей сущностью, но не по произволу. Вещественная история Бога, проход бога-вещи через религию и ее периферийные образования, через ее озарения и затмения, через этапы возрождения и разрушения жизни, через отход от Бога живого и возвращение к нему, через превратности настоящего, через воплощение в образ, через превращение в понятие, через растворение и обновление, – все это путь, этот путь.

Изреченное знание и установленное деяние религии – откуда они взялись? Присутствие и сила откровения (ибо все религии необходимо ссылаются на откровение – изреченное, естественное, душевное; строго говоря, не существует религий без откровения), присутствие и сила, которые человек воспринимает в откровении, – как становятся они «содержанием»?

Объяснение состоит из двух слоев. Внешний психический слой мы познаём, когда рассматриваем человека самого по себе, вне истории; с внутренним, фактическим, прафеноменом религии мы знакомимся, когда снова перемещаем человека в историю. Эти слои не существуют друг без друга.

Человек жаждет иметь Бога; он жаждет непрерывно иметь Бога во времени и в пространстве. Он не хочет удовлетворяться неизреченным подтверждением смысла, он хочет видеть его развернутым, таким, чтобы его можно было бы снова и снова брать и использовать, иметь непрерывный пространственно-временной континуум, который бы обеспечивал ему жизнь в каждой точке пространства и в любой момент времени.

Жизненный ритм чистого отношения, смена актуальности и латентности, в котором уменьшаются только сила нашего отношения и поэтому присутствие, но не изначальное присутствие, не может удовлетворить человеческое устремление к континууму. Человек стремится к развертыванию времени, к длительности. Так Бог становится объектом веры. Изначально вера дополняет во времени акты отношения; со временем она их замещает. На место постоянно обновляемого сущностного движения собирания и исхода заступает успокоение в Оно, в которое уверовали. «Уверенность, несмотря ни на что», характерная для бойца, который знает и удаление, и приближение Бога, уступает место полной уверенности человека, не упускающего своей выгоды, который верит в то, что существует некто Один, кто не допустит, чтобы с ним что-то случилось.

Жизненная структура чистого отношения, «одиначество» Я перед Ты, закон, согласно которому человек, насколько бы он ни вовлек мир во встречу, может выйти к Богу только как личность и в этом качестве встретиться с ним, не удовлетворяют тягу человека к непрерывности. Человек требует пространственного развертывания, требует действия, в котором община верующих объединяется со своим Богом. Так Бог становится объектом культа. Сначала культ дополняет акты отношения: живую молитву, непосредственное изъявление Ты он включает в пространственную взаимосвязь великой образной силы с чувственной жизнью, но постепенно и культ становится заменой; общая молитва перестает быть носителем личных молитв, она их вытесняет, и, так как сущностное деяние не допускает никаких правил, на его место заступает регламентированный молебен.

Но по-настоящему чистое отношение можно достроить до пространственно-временного постоянства, если оно воплощается во всей материи жизни. Его невозможно сохранить, его можно лишь испытать, произвести, включить в жизнь. Человек может только тогда оправдать свое участие в отношении к Богу, когда он в соответствии со своими силами, по мере каждого дня претворяет Бога в действительность мира. Только в этом можно видеть гарантию непрерывности, гарантию континуума. Гарантия длительности заключается в том, что чистое отношение может исполниться, когда существа становятся Ты, исполниться в их возвышении до Ты, когда священное основное слово находит отклик у всех; так время человеческой жизни достигает полноты действительности, и, несмотря на то что отношение Оно невозможно и не должно преодолеть, человеческая жизнь настолько сильно проникается отношением, что получает в нем лучшее, пронизанное светом постоянство; тогда моменты наивысшей встречи перестают быть молниями, сверкающими во мраке, они уподобляются восходящей на усыпанный звездами небосклон Луне; так осуществляется

истинная гарантия пространственного постоянства, она заключается в том, что отношение людей к их подлинному Ты и радиусы, исходящие из всех точек Я, устремляются к центру, к Ты, и образуют круг. Не периферия, не община первичны, но радиусы, всеобщность отношения к центру. Именно эта всеобщность обеспечивает истинное существование общины.

Связность времени в измеряемой отношении священной жизни и связность пространства в объединенной в средоточии общине – только когда возникает и то и другое, и только до тех пор, пока это существует, вокруг невидимого алтаря присутствует человеческий космос, усвоенный в духе из мировой материи зона.

Встреча с Богом происходит у человека не для того, чтобы он был занят только Богом, но для того, чтобы он подтвердил существование смысла в мире. Всякое откровение есть призвание и послание. Но снова и снова человек вместо воплощения откровения в действительность обращается назад, к тому, кто дает откровение; человек хочет иметь дело не с миром, а с Богом. Но только теперь ему, обратившемуся вспять, уже не предстоит Ты, и он не может ничего иного, как включить Оно Бога в мир вещей, поверить, что он знает о Боге как о некоем Оно, и, соответственно, говорить о нем как об Оно. Подобно тому как человек, вожделирующий к своему Я, вместо того чтобы проживать нечто – свои восприятия, свои склонности, – рефлексировать по поводу своего воспринимающего или склоняющегося к чему-либо Я и, таким образом, упускает истину происходящего; так же рефлексировать и безудержно стремящийся к Богу человек (впрочем, в его душе любовь к Богу вполне уживается с вожделением к своему Я), вместо того чтобы позволить дару проявить себя, сосредоточивается на дающем и в результате упускает и то и другое.

Для посланного Бог остается присутствовать в настоящем; тот, кто послан и отправляется в путь, всегда имеет перед собой Бога: чем вернее исполнение, тем сильнее и более постоянна близость; разумеется, он не может иметь дело с Богом, но он может стать его собеседником. Обращение вспять, наоборот, превращает Бога в предмет. Это обращение как мнимый возврат к первооснове на самом деле принадлежит к движению мира в сторону уклонения, так же как мнимое уклонение исполняющего послание на самом деле принадлежит к возвратному движению мира.

Ибо оба основных метакосмических движения мира – расширение внутри собственного бытия и возвращение к связности – находят свой наивысший человеческий образ, собственную духовную форму своей борьбы и примирения, смешения и разделения в истории отношений человека к Богу. В возвращении рождается на Земле слово, в расширении оно окукливается в религию, в новом возвращении оно возрождается заново открытым.

Здесь господствует не произвол, хотя временами движение к Оно заходит так далеко, что угрожает подавить и задушить новый исход к Ты.

Мощные откровения, на которые ссылаются религии, по существу идентичны тихим откровениям, которые постоянно раздаются повсюду и во все времена. Мощные откровения, стоящие в начале великих общностей, суть не что иное, как одно вечное откровение. Но

откровение изливается в мир не через воспринимающих, как через воронку; откровение воздействует на воспринимающего, оно охватывает всю его стихию во всем его наличном бытии и сплавляется с ним. Так же и человек является «устаами», именно устами, а не рупором – не инструментом, но органом, подчиненным собственным законам звучания органом, и его свойства придают звукам особые оттенки.

Существуют, однако, качественные отличия между историческими эпохами. Наступают времена становления зрелости эпох, когда подавленная и, казалось бы, навеки погребенная истинная стихия человеческого духа находится под таким гнетом и напряжением, что достаточно одного прикосновения Прикасающегося, чтобы эта стихия вырвалась на волю. Явленное при этом откровение охватывает всю эту подготовленную стихию целиком – со всеми ее свойствами и признаками, переплавляет ее и вводит в нее образ, новый образ Бога в мире.

Вот так на путях истории, на путях перемен человеческой стихии все новые и новые области мира и духа возвышаются в образ, призываются к божественному образу. Все новые сферы становятся местом богоявления. Здесь действует не собственная власть человека и не чистое прохождение Бога – это смешение божественного и человеческого. Посланный в откровении несет перед своим взором образ Бога – насколько ни был бы сверхчувственным этот образ, посланный несет его в очах своего духа, через совершенно реальное, а не метафорическое духовное зрение. Дух отвечает также через созерцание, образное созерцание. Несмотря на то что мы земные существа и не можем видеть Бога без мира и видим лишь мир в Боге, мы вечно создаем образ Бога.

Образ есть смешение Ты и Оно. В вере и культе он может застыть в форме предмета; но из сущности отношения, которая продолжает жить в образе, он будет снова и снова становиться настоящим. Бог остается близким своим образам до тех пор, пока человек не отдаляет их от него. В истинной молитве культ и вера соединяются и очищаются, возвышаясь до живого отношения. То, что в религиях живет истинная молитва, есть свидетельство их истинной жизни; пока жива молитва, живы и религии. Вырождение религий означает вырождение в них молитвы: сила отношения в них все больше скрадывается предметностью, все труднее становится говорить Ты всем своим нераздельным существом. В конце концов, чтобы сохранить эту способность, человек должен уйти из ложной защищенности в риск бесконечного, из покрытой сводом храма, но не сводом неба общности в свое последнее уединение. Глубочайшее заблуждение – приписывать это побуждение «субъективизму»: жизнь перед Ликом есть жизнь в Одной Действительности, в единственно истинной «объективности», и покидающий защищенность человек хочет спастись в истинно сущем от мнимой, иллюзорной объективности до того, как она успеет разрушить его истину. Субъективизм – это наделение Бога душой, объективизм – это превращение Бога в объект; первое есть ложное освобождение, второе – ложное закрепощение, и оба являются отклонением от пути действительности, попыткой ее подмены.

Бог близок своим образам, когда человек не отдаляет их от него. Однако когда расширяющее движение религии подавляет движение возвращения и образ отдаляется от Бога, то меркнет лик образа, мертвеют губы, бессильно повисают руки, Бог уже не знает

его, и рухнет всемирный дом, воздвигнутый вокруг его алтаря, то есть рухнет человеческий космос. К тому, что происходит, принадлежит также то, что человек в разрушении своей истины уже не видит, что же здесь произошло.

Произошло же расщепление слова.

В откровении слово есть сущностное, в образе – действующее, во власти умершего оно становится значащим.

Таков путь и обратный путь вечного и вечно присутствующего слова в истории.

Времена, в которые является сущностное слово, – это такие времена, в которые обновляется связь Я с миром; времена, которые означаются словом, – это такие времена, когда утрачивается действительность, происходит отчуждение между Я и миром, совершается становление рока – до той поры, пока не случится великое потрясение, дыхание не остановится во тьме и не наступит приготавливающее молчание.

Но этот путь не круговорот. Это именно путь. С каждым эоном давящая власть рока становится все более тяжелой, а возвращение – все более взрывоопасным. И богоявление становится все ближе, оно все ближе к сфере между существами; ближе к царству, которое среди нас, прячется в этом между. История – это таинственное приближение. Каждая спираль ее пути ведет нас еще глубже в пропасть гибели, но одновременно и возвращает к основам. Божественная сторона события, мирская сторона которого называется возвращением, зовется спасением.

Послесловие

1

Когда я (более сорока лет назад) делал первые наброски этой книги, мною двигало ощущение внутренней необходимости. Одно видение, которое постоянно преследовало меня с юности и, приходя снова и снова, теряло четкость, на этот раз обрело устойчивую ясность и имело настолько откровенный надличностный характер, что я сразу осознал, что его надо засвидетельствовать. Некоторое время спустя, после того как я сумел найти подходящее Слово и отважился написать книгу в ее окончательном варианте (она вышла в 1923 году), выяснилось, что многое нужно дополнить, но в соответствующем месте и в самостоятельной форме. Так появилось несколько небольших сочинений, отчасти толковавших на примерах то видение, о котором шла речь, отчасти его объяснявших в случаях, когда мне приходилось отвечать на возражения, отчасти подвергавших критике воззрения, которым эти сочинения были обязаны самым важным в их содержании, хотя мое самое существенное утверждение, а именно о тесной связи отношения к Богу и отношения к окружающим людям, было не понято многими авторами этих воззрений. Позднее появились и другие работы с указаниями на антропологические основы и на социологические последствия. При этом попутно обнаружилось, что отнюдь не все вопросы получили достаточное объяснение. Время от времени ко мне обращались читатели, чтобы узнать, что я имел в виду в том или ином случае. Долгое время я отвечал на каждое письмо, но со временем заметил, что я не в состоянии справедливо соответствовать всем требованиям и что, помимо этого, я не имею права ограничивать диалог лишь теми читателями, которые обращались ко мне, – возможно, что именно те, кто молчал, заслуживали особого внимания. Так я пришел к необходимости ответить публично, прежде всего на некоторые важнейшие вопросы, которые связаны между собой по смыслу.

2

Первый вопрос с удовлетворительной точностью может быть сформулирован так: если мы, как сказано в книге, можем состоять в отношении Я – Ты не только с другими людьми, но также с существами и вещами, с которыми нам приходится сталкиваться в природе, то что в таком случае составляет, собственно, разницу между теми и другими? Или еще точнее: если отношение Я – Ты обуславливает взаимность, фактически охватывающую Я и Ты, то как можно в таком случае понять в свете моей трактовки отношение Я – Ты, направленное на природные существа и предметы?

Очевидно, что на этот вопрос нет единого ответа; вместо того чтобы, как это принято, понимать природу как единое целое, нам здесь приходится рассматривать ее различные области по отдельности. Когда-то человек «приручил» животное, да и сейчас еще он

способен это делать. Человек вводит животное в свою атмосферу и побуждает к тому, чтобы животное каким-то образом приняло чужака-человека за своего. Человек добивается от животного активного, и часто поразительного, ответа на свое приближение, на свое обращение, и ответа, как правило, тем более сильного и прямого, чем больше в этом обращении истинного изъяснения Ты. Нередко животным, как детям, удается распознать наигранную нежность. Однако и вне сферы приручения можно иногда обнаружить подобный контакт между человеком и животным: речь преимущественно идет о людях, обладающих сущностной потенциальной способностью к партнерству с животными; причем по большей части это не люди с преобладанием животного начала, а люди, духовные по природе.

У животного, в отличие от человека, нет двойственности: животному чужда двойственность основных слов Я – Ты и Я – Оно, хотя оно может обращаться к другому существу и рассматривать предметы. Все же мы могли бы сказать, что здесь эта двойственность латентна. Поэтому мы имеем право рассматривать эту сферу в свете нашего изъяснения Ты к животному как порог взаимности.

Совсем по-другому обстоит дело в тех областях природы, где отсутствует присущая нам и животным спонтанность. В наше понимание растений входит тот факт, что они не реагируют на наше воздействие на них, что они не могут «отвечать». Но это не означает, что здесь нам не уделяется никакой взаимности. Здесь, разумеется, отсутствует деяние или поведение каждого отдельно взятого существа, но есть взаимность самого бытия, взаимность, сущая в бытии, и никакая иная. Та живая и единая цельность дерева, не открывающаяся острому взгляду исследователя, открывается тому, кто говорит Ты; она есть, когда есть тот, кто говорит Ты; он гарантирует дереву сохранение цельности и возможность проявить ее как дереву, существу в бытии. Привычное нам мышление затрудняет прозрение того, что здесь пробужденное нашим отношением нечто светит нам навстречу, исходя из сущего. В сфере, о которой идет речь, считается важным стать честными в отношении раскрывающейся нам действительности. Эту обширную, простирающуюся от камней до звезд сферу мне бы хотелось назвать предпороговой, то есть лежащей перед порогом ступенью.

3

Но теперь возникает вопрос о сфере, которую, пользуясь тем же образным языком, можно назвать надпороговой (*superliminare*), то есть сферой, которая есть балка, перекрывающая дверь сверху, то есть сферой духа.

Здесь тоже надо разграничить две области; но в данном случае это разграничение глубже, чем в природе. Это разграничение между тем, что уже вошло в мир и является доступным нашим чувствам, с одной стороны, и тем, что еще не вошло в мир, но готово в него войти и стать для нас настоящим, с другой стороны. Это разграничение на самом деле является обоснованным, потому что, мой читатель, я могу показать тебе уже вошедший в мир духовный образ, а невошедший – нет. Я могу показать тебе духовные образы, которые «находятся в наличии» в общем для нас мире в неменьшей степени, чем вещь или

природное существо; я могу также указать тебе на нечто доступное тебе в действительности или в возможности, но не могу указать на то, что еще не вошло в мир. Но, если и здесь, в случае рассмотрения этой пограничной области, меня спросят, где же здесь можно найти взаимность, мне останется лишь прибегнуть к косвенному намеку на определенные, но едва ли поддающиеся описанию процессы в жизни человека, которому дух открылся как встреча; если же косвенного намека окажется недостаточно, то мне, мой читатель, не останется ничего иного, как апеллировать к свидетельству твоих собственных, пусть и погребенных, но тем не менее достижимых тайн.

Теперь мы вернемся к первой области, к области «наличного здесь и сейчас». Здесь можно привести несколько примеров.

Пусть вопрошающий представит себе вошедшее в традицию изречение какого-нибудь умершего тысячи лет назад учителя и попытается, насколько это получится, воспринять это изречение слухом, словно учитель в его присутствии сам его произносит, как будто обращаясь к вопрошающему, который должен уловить и воспринять сказанное. Для этого он должен всем своим существом обратиться к тому, кто сам не присутствует, но произносит присутствующее изречение; вопрошающий должен выказывать в отношении мертвого и живого обращение, каковое я называю изъявлением Ты. Если это ему удастся (для чего, разумеется, недостаточно воли и усилий, но стоит снова и снова предпринимать попытки), то он услышит голос – поначалу, вероятно, невнятный – тождественный тому, который будет звучать для него из других подлинных изречений того же учителя. Он больше не сможет делать то, что мог делать раньше, когда обращался с изречением как с предметом: из него станет невозможно выделить никакого содержания и никакого ритма; он воспримет только неделимую полноту высказанного.

Но, кроме того, это еще связано с личностью, с соответствующим эпохе изъявлением личности в ее слове. То, что я имею в виду, не ограничено длительно действующим в слове личным бытием. Поэтому в качестве дополнения я вынужден привести пример, в котором нет уже ничего личного. Как всегда, я выберу пример, связанный для многих людей с сильными воспоминаниями. Это дорийская колонна, которая всегда является человеку, который способен и готов к ней обратиться. Мне она впервые явилась в Сиракузах – она выступала из церковной стены, в которую была некогда замурована; тайное мерило предстало в таком простом образе, что в нем было невозможно увидеть ничего единичного, было невозможно насладиться ничем единичным. Совершить надо было то, что я мог совершить: вместить и удержать предстояние перед этим духовным образом, прошедшим через чувства и руки человека и воплотившимся в тело. Исчезает ли здесь понятие взаимности? Оно лишь погружается обратно во тьму или преобразуется в некое конкретное положение вещей, мягко отклоняющее абстрактность, но остается светлым и внушающим доверие.

Отсюда позволительно взглянуть на другую область – область «неналичествующего», область соприкосновения с «духовными сущностями», область возникновения слова и формы.

Ставший словом дух, ставший формой дух – в известной степени каждый, кого коснулся дух и кто не закрывался от него, знает об основополагающем фактическом: он знает, что такое не сеют в человеческом мире, оно не дает ростков и не растет там; оно вытекает из его встреч с другим. Не из встреч с платоновскими идеями (о которых у меня нет непосредственного знания; я не в состоянии понять их как сущее), но посредством духа, который овеивает нас и заставляет нас вдыхать его. Я снова вспоминаю странное признание Ницше, который, касаясь «вдохновения», описывает его как процесс, в ходе которого берут, не спрашивая, кто дает. Пусть же всегда будет так: не спрашивают, но благодарят.

Тот, кто познаёт дуновение духа, совершает проступок, стараясь завладеть духом или выяснить для себя его свойства. Но неверность он проявляет и тогда, когда приписывает этот дар самому себе.

4

Давайте же, суммируя, заново рассмотрим то, что было сказано о встречах с природным и о встречах с духовным.

Имеем ли мы в таком случае право – и такой вопрос можно задать – говорить об «ответе» или «обращении», которые приходят из области, расположенной вне всего того, в чем мы, в нашем рассмотрении упорядоченности бытия, признаем спонтанность и сознание, как о том, что именно в виде ответа или обращения происходит в человеческом мире, в котором мы живем? Характерна ли для того, что было здесь сказано, какая-либо иная значимость, нежели значимость «персонифицирующей» метафоры? Не угрожает ли здесь опасность некой «проблематичной» мистики, которая стирает границы, проведенные и должны быть проведенными рациональным познанием границы?

Ясная и прочная структура отношения Я – Ты, знакомая каждому, кто обладает непредвзятым сердцем и мужеством, позволяющим его установить, – именно эта структура не имеет мистической природы. Временами нам приходится выходить за рамки нашего привычного мышления, чтобы понять эту структуру, но не за рамки изначальных норм, которые определяют то, как человек мыслит действительность. Как в царстве природы, так и в царстве духа – духа, который живет в высказываниях и творениях, а также духа, который хочет стать высказыванием и творением, – нам следует понимать воздействие на нас как воздействие сущего.

5

В следующем вопросе речь уже не идет о пороге, о том, что перед порогом и над порогом взаимности, но о ней самой как о входных воротах нашего бытия.

Зададимся вопросом: как обстоят дела с отношением Я – Ты между людьми? Всегда ли оно устанавливается на основе полной взаимности? Всегда ли оно это может, всегда ли на это осмеливается? Не подвержено ли оно, как все человеческое, не только ограничению в силу

нашей недостаточности, но также и ограничению в силу внутренних законов нашей совместной жизни?

Первое из этих препятствий известно достаточно хорошо. Все, начиная с того, что ты сам день за днем встречаешь отчужденный взгляд в глазах нуждающегося в тебе «ближнего», и заканчивая тоской святых мужей, которые раз за разом тщетно предлагают великий дар, – все говорит тебе о том, что полная взаимность не присуща совместной жизни людей. Она милость, к принятию которой человек всегда должен быть готов, но которая никогда не может быть ему гарантирована.

Существует, однако, такое отношение Я – Ты, которое, согласно своему роду, не может развернуться в полную взаимность, если оно вынуждено существовать в пределах своего рода.

В качестве примера подобного рода отношения я в другом месте охарактеризовал отношение между истинным воспитателем и его воспитанником. Для того чтобы помочь ученику в наилучшей степени воплотить в действительность лучшие возможности его существа, учитель должен отнестись к нему как к определенной личности в ее потенциальности и актуальности, точнее, учитель должен знать ученика не просто как сумму свойств, устремлений и торможений, но познать его как некое единое целое и утверждать ученика именно в этой его полноте и цельности. Учитель может достичь этого только в том случае, если он всякий раз встречается ученика в какой-то биполярной ситуации. Для того же, чтобы его воздействие на ученика было цельно осмысленным, он должен – не только со своей стороны, но также и со стороны предстоящего ему ученика – проживать эту ситуацию во всех ее моментах; он должен использовать такого рода реализацию, которую я называю включением. Хотя это зависит от того, пробуждает ли учитель в ученике отношение Я – Ты таким образом, что ученик начинает воспринимать учителя как именно эту определенную личность и утверждать ее, и тогда особое воспитывающее отношение не устанавливается, если воспитуемый, со своей стороны, тоже начинает практиковать включение и проживает в общей ситуации и часть, принадлежащую воспитателю. Если отношение Я – Ты этим заканчивается или приобретает совершенно иной характер, характер дружбы, то оказывается, что специфическое воспитательное отношение как таковое лишено полной взаимности.

Другой, не менее содержательный пример нормативного ограничения взаимности предлагает нам отношение между истинным психотерапевтом и его пациентом. Если психотерапевт удовлетворяется тем, что «анализирует» пациента, то есть извлекает из его микрокосма на свет божий неосознаваемые факторы и преображенные этим извлечением энергии привлекает для приложения к осознаваемой работе жизни, то, возможно, ему и удастся добиться определенного улучшения. В лучшем случае психотерапевт сможет помочь диффузной, плохо структурированной душе в какой-то мере собраться и привести себя в порядок. Но таким способом психотерапевту не удастся достичь того, что, собственно, является его целью, а именно восстановления угасающего центра личности. Это удастся лишь тому, кто широким взглядом врача сможет охватить погребенное латентное единство страдающей души, а этого можно добиться только в партнерском взаимоотношении двух личностей, а не за счет наблюдения и исследования объекта. Для

того чтобы психотерапевт смог содействовать освобождению и актуализации такого единства в новой согласии личности с миром, он должен, подобно воспитателю, находиться не только на своем полюсе биполярного отношения, но также силой воображения переходить на другой полюс и испытывать на себе действие собственного лечения. Снова надо сказать, что специфическое, «исцеляющее» отношение прекращается в тот миг, когда пациенту удастся осуществить включение и начать переживать происходящее на полюсе врача. Лечить, как и воспитывать, может лишь живущий в предстоянии, но на некотором отдалении.

Наиболее убедительно нормативное ограничение взаимности можно было бы показать на примере духовника, потому что здесь включение, осуществленное противоположной стороной, нарушило бы сакральную аутентичность задачи.

Всякое взаимодействие Я – Ты внутри отношения, которое определяется как целенаправленное воздействие одной части на другую, осуществляется в силу взаимности, которой не полагается быть полной.

6

В этой связи можно затронуть еще один вопрос, и это необходимо сделать, потому что он отличается несравненной важностью.

Как может – спрашиваем мы – вечное Ты в отношении быть одновременно включенным и исключенным? Как может Ты-отношение человека к Богу, которое является безусловно и неотвратно направленным на Него, охватывать также все другие отношения Я – Ты этого человека и как бы нести их Богу?

Следует заметить, что спрашивается здесь не о Боге, но о нашем отношении к нему. Однако, чтобы быть в состоянии ответить, я должен говорить о нем. Ибо наше отношение к нему столь сверхпротивоположно, потому что он сам сверхпротивоположен по отношению к нам.

Само собой разумеется, что мы говорим только о том, что представляет собой Бог по отношению к человеку. И высказать это можно только в парадоксе, точнее – через парадоксальное употребление понятия; еще точнее – через парадоксальную связь номинального понятия с прилагательным, которое противоречит употребительному среди нас содержанию. Придание значимости этому противоречию должно уступить место пониманию того, что так и только так можно оправдать необходимое обозначение предмета через это понятие. Содержание понятия претерпевает всеохватывающее, преобразующее расширение – но так у нас обстоят дела с каждым понятием, каковое мы, принуждаемые действительностью веры, извлекаем из сферы имманентности и применяем в сфере трансцендентности.

Обозначение Бога как личности необходимо для каждого, кто, подобно мне, не соотносит с «Богом» ни один принцип, хотя такие мистики, как Экхарт, временами отождествляли с Ним

«бытие», и не соотносит с Ним никакую идею, хотя такие философы, как Платон, временами могли считать Его идеей; кто, скорее как я, имеет в виду под «Богом» того, кто – кем бы он ни был – вступает в непосредственное отношение к нам, людям, в своих творческих, данных в откровении и освобождающих актах и делает возможным для нас вступить с Ним в непосредственное отношение. Это основание и смысл нашего бытия во все времена устанавливают взаимность в том виде, в каком она может существовать только между личностями. Разумеется, понятие личностного совершенно не способно декларировать сущность Бога, но позволительно и необходимо сказать, что Бог есть также личность. Если бы я хотел перевести все сказанное – что бы под этим ни понимать – на язык философа, на язык Спинозы, мне пришлось бы сказать, что из бесконечного множества атрибутов Бога нам, людям, известны не два, как полагал Спиноза, а три: к духовности, из которой исходит то, что мы называем духом, и к природности, которая представляет себя тем, что известно нам как природа, надо добавить в качестве третьего атрибута бытие Бога как личности. Из этого атрибута личное бытие (мое и всех людей) происходит так же, как из двух предыдущих происходят духовное бытие и природное бытие человека. И только этот третий атрибут личного позволяет нам непосредственно познать себя в своем качестве как атрибут.

Теперь, однако, заявляет о себе, взывая к общепринятому содержанию понятия личности, одно важное противоречие. Объяснение этого противоречия заключается в следующем: свойством личности является то, что ее самостоятельность, хотя и существует в ней самой, делается относительной в совместном бытии в силу множественности других самостоятельств; само собой разумеется, что это не относится к Богу. Этому противоречию противостоит парадоксальное обозначение Бога как абсолютной личности, то есть личности, которая не может быть относительной в сравнении с другими личностями. В непосредственном отношении к нам Бог выступает как абсолютная личность. Противоречие должно отступить под натиском высшего прозрения.

Бог включает – теперь нам позволительно это сказать – свою абсолютность в отношении, в которое он вступает с человеком. Поэтому человеку, который поворачивается к Богу, нет необходимости отворачиваться от другого отношения Я – Ты: человек правомерно приносит все такие отношения Богу, позволяя им таким образом преобразиться «в лике Божьем».

Вообще, надо остерегаться того, чтобы понимать разговор с Богом, разговор, о котором я веду речь в этой и почти во всех следующих книгах, как нечто происходящее вне повседневной жизни или над ней. Обращение Бога к людям пронизывает события собственной жизни всех и каждого из нас, как и все события в мире вокруг нас, пронизывает все биографическое и историческое и делает это указанием, требованием и для тебя, и для меня. Событие за событием, ситуация за ситуацией благодаря личностному языку обретают способность и силу требовать от человеческой личности стойкости и решительности. Часто мы полагаем, что нам нечего воспринимать слухом, но в то же время уже давно залили себе уши воском.

Существование взаимности между Богом и человеком недоказуемо, как недоказуемо и существование Бога. Тот же, кто осмеливается об этом говорить, дает свидетельство и призывает свидетельство того, к кому он обращается, – свидетельство настоящее и

будущее.

*Иерусалим,
октябрь 1957 года*

Цитаты

Не существует Я самого по себе, но существует только Я основного слова Я – Ты и основного слова Я – Оно. Когда человек произносит Я, он подразумевает одно из этих основных слов.

Тот, кто произносит Ты, не имеет в виду своим объектом Нечто. Ибо там, где есть Нечто, есть и другое Нечто, и каждое Оно граничит с другим Оно, поскольку Оно существует только в том случае, если есть Нечто, с чем оно граничит. Однако произнесение Ты не подразумевает никакого Нечто. Ты не имеет границ. Тот, кто произносит Ты, не располагает никаким Нечто, он не располагает ничем. Но зато он вступает в отношение.

Любая настоящая жизнь есть встреча.

Сущности обретают жизнь в настоящем, предметность живет в прошлом.

Любовь есть ответственность Я за Ты; здесь имеет место то, чего не может быть ни в каком чувстве, а именно равенство всех любящих...

Отношение – это взаимность. Мое Ты влияет на меня так же, как я влияю на него.

Непосредственно ненавидящий ближе к отношению, чем человек, лишенный и любви, и ненависти.

Отношение есть начало всего.

Первое основное слово разбивается на Я и Ты, но возникло оно не из их соединения – оно предшествовало Я; второе же основное слово возникло из соединения Я и Оно, и это второе основное слово возникло после обособления Я.

Человек становится Я, становясь Ты. Предстоящее появляется и исчезает, события отношений сгущаются и рассеиваются, и в этом чередовании раз за разом проявляется растущее осознание присутствия неизменного партнера, осознание Я.

Ты является и во времени, но во времени исполняющегося в самом себе процесса, который проживается не как частица непрерывной и строго упорядоченной последовательности, но в виде «длительности», интенсивное измерение которой может быть определено только из нее самой; Ты одновременно является и деятелем, и подвергающимся действию, но не является звеном в цепи причинностей; в своем взаимодействии с Я оно является началом и концом происходящего. Это есть основная истина человеческого мира: только Оно может быть упорядочено. Координировать вещи можно только после того, как они перестают быть нашим Ты и становятся нашим Оно. Ты не знает никакой системы координат.

Мир Оно обладает связностью в пространстве и времени. Мир Ты не обладает связностью в пространстве и времени. Отдельное единичное Ты по необходимости должно стать Оно, когда закончится процесс отношения. Отдельное единичное Оно может, войдя в процесс отношения, стать Ты.

Человек не может жить без Оно, но тот, кто живет исключительно с ним, не является человеком.

Дух есть слово. <...> И хотя устная речь облекается в слова в мозгу человека, а потом озвучивается в гортани, и то и другое суть лишь преломления истинного процесса; в действительности не речь присутствует в человеке, но человек пребывает в речи и глаголет из нее – и это касается всякого слова и всякого духа. Дух пребывает не в Я, а между Я и Ты.

Что касается познания, сущность раскрывается познающему в созерцании предстоящего. <...> Сущность не проявляет себя в законе, выводимом из явления, но обнаруживается в самом явлении.

Брак никогда не удастся обновить по-другому, нежели открытием друг другу своего истинного Ты. Этот брак строит Ты, которое не является Я ни для кого из обоих партнеров. Это метафизический и метапсихический факт любви, который лишь сопровождается любовными чувствами.

Преходящая, обреченная на смерть жизнь, по самому своему существу, есть вибрация между Ты и Оно.

Судьба и свобода неразрывно связаны друг с другом нерушимой клятвой. С судьбой встречается только тот, кто воплотил свободу в действие.